M 61/140
1909

М 61
140

С. К. Кузнецовъ.

Черемисская секта

КУГУ СОРТА.

Опытъ изслѣдованія религіозныхъ движеній среди поволжскихъ инородцевъ.

Plus exemplo, quam werbo.
Естествомъ законная творятъ.
Ап. Павелъ.

(Оттискъ изъ „Этнографическаго Обозрѣнія", кн. 79).

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1909.

И 61/140

С. К. Кузнецовъ.

Черемисская секта

КУГУ СОРТА.

Опытъ изслѣдованія религіозныхъ движеній среди поволжскихъ инородцевъ.

Plus exemplo, quam werbo.
Естествомъ законная творятъ.
Ап. Павелъ.

(Оттискъ изъ „Этнографическаго Обозрѣнія", кн. 79).

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1909.

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІО-ТЕКА

2007099286

Черемисская секта кугу̀ сорта̀.

ГЛАВА I.

Старое дѣленіе черемисъ на крещеныхъ и язычниковъ. Экономическое состояніе послѣднихъ. Начало грамотности среди черемисъ. Роль учителей изъ семинаристовъ. Критическое отношеніе черемисской молодежи къ родной дѣйствительности. Письмо учителя Жилина о появленіи секты кугу̀ сорта̀. Личность основателя секты. Его реформы въ области вѣрованій и жертвеннаго ритуала. Проповѣдь воздержанія. Отношеніе черемисъ къ новой вѣрѣ на первыхъ порахъ. Сектанты на Казанской выставкѣ 1890 г. Перечень выставленныхъ ими предметовъ.

За послѣднія двадцать пять—тридцать лѣтъ въ жизни черемисъ замѣтенъ большой переломъ.

И раньше черемисы дѣлились на двѣ, рѣзко разграниченныя половины: одна явно и болѣе или менѣе искренно держалась христіанства, другая соблюдала христіанскіе обряды чисто внѣшнимъ образомъ, что̀ называется изъ-подъ палки, т.-е. только по принужденію. Такъ повелось издавна. Всего лучше чувствовали себя *чи марѝ*, некрещеные черемисы, сохранявшіе древнія языческія вѣрованія. Тогда какъ остальные черемисы время отъ времени подвергались преслѣдованіямъ за отступничество отъ христіанства, извѣстнаго имъ только по имени, преслѣдованіямъ, которыя на старомъ канцелярскомъ языкѣ мягко назывались „изслѣдованіями“, язычники жили совершенно мирно, усердно молились въ священныхъ рощахъ своимъ богамъ; они исправно занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, жили совершенно патріархально и сильно богатѣли. Умѣренные въ домашнемъ быту, почти все необходимое производя своими собственными руками, язычники черемисы богато и торжественно справляли всѣ жертвоприношенія своимъ богамъ. Въ то время какъ крещеные черемисы повсемѣстно роптали на поборы духовенства, язычники не знали ничего подобнаго, и та свобода, съ которою они отправля-

ли свое языческое богослуженіе, возбуждала чувство зависти у крещеныхъ, потому что язычники не испытывали въ дѣлахъ вѣры никакихъ притѣсненій отъ духовенства и свѣтскихъ властей, особенно послѣ того какъ большая роща при дер. *Кӱпрӓн сола* въ Уржумскомъ уѣздѣ Высочайшимъ повелѣніемъ отдана была язычникамъ для невозбраннаго совершенія языческихъ жертвоприношеній.

Но время начинало брать свое. Съ увеличеніемъ числа земскихъ школъ, къ черемисамъ начала проникать грамотность, а слѣдомъ за ней у молодежи появилось критическое отношеніе къ черемисской дѣйствительности. Начало такого явленія относится еще къ 60-мъ годамъ минувшаго столѣтія, когда очень многіе изъ кончившихъ курсъ Вятской духовной семинаріи стали поступать въ учителя земскихъ школъ; особенно много такихъ учителей появилось на земской службѣ въ Уржумскомъ, Яранскомъ и Малмыжскомъ уу. Благотворное вліяніе этихъ учителей какъ на учениковъ, такъ и на окружающее населеніе было внѣ всякаго сомнѣнія. Иные изъ нихъ съ теченіемъ времени сдѣлались священниками и съ честью проходили свое служеніе. Присматриваясь къ черемисскому быту, не могли они оставить безъ вниманія того двоевѣрія, въ которомъ находились крещеные черемисы.

Путемъ частыхъ бесѣдъ со школьниками, удалось имъ незамѣтно привить молодому поколѣнію убѣжденіе въ безполезности и разорительности кровавыхъ жертвоприношеній, на которыя такъ часто тратились язычники, а по ихъ примѣру и крещеные черемисы. Особенно грандіозны были подобныя жертвоприношенія, начиная со второй половины 70-хъ годовъ, напр. въ 1875 и въ 1878 годахъ. Такъ какъ собесѣдованія учителей носили совершенно частный характеръ, не имѣли въ себѣ ничего начальственнаго, то они и производили болѣе сильное впечатлѣніе, нежели обличенія и не всегда умѣлыя увѣщанія духовенства. Особенно плодотворны были подобныя бесѣды въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ подвизались два наиболѣе симпатичныхъ учителя: *А. М. Костровъ* и *А. Жилинъ* (позднѣе священникъ). Послѣдній учительствовалъ сначала въ с. *Кичмѣ*, почти на границѣ Уржумскаго и Яранскаго уу., потомъ былъ священникомъ въ с. *Верхъ-Ушнурѣ*, а первый въ с. *Сернурѣ*, вблизи отъ главной языческой святыни черемисъ.

Около 1880 г. Жилинъ началъ замѣчать какое-то возбужденіе

среди черемисъ: они собирались кучками и о чемъ-то оживленно бесѣдовали. Сначала отъ школьниковъ, а потомъ и отъ взрослыхъ черемисъ Жилинъ узналъ, что предметомъ оживленныхъ бесѣдъ черемисъ служитъ новая секта *кугу сорта*, появившаяся среди язычниковъ въ предѣлахъ Ернурской волости, близъ с. *Ернуръ* (Яранскаго уѣзда Вятской губ.).

Путемъ распросовъ Жилину очень скоро удалось установить, что секту основалъ черемисинъ язычникъ, только недавно уволенный въ безсрочный отпускъ гвардеецъ. Во время службы своей въ Петербургѣ онъ пріобрѣлъ нѣкоторый лоскъ и умѣнье обращаться съ людьми. Происходя изъ языческой семьи, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ присмотрѣлся къ кровавымъ жертвоприношеніямъ, посѣщая вмѣстѣ со своими семейными священныя рощи черемисъ. Пока онъ находился въ военной службѣ, на него оказывали сильное вліяніе бесѣды съ сослуживцами, которыя велись въ гвардейскихъ казармахъ. Простой народъ, какъ извѣстно, очень любитъ бесѣдовать о вопросахъ вѣры. Въ казармахъ были представители разныхъ вѣръ и разныхъ народностей, и всѣ они одинаково осуждали кровавыя жертвоприношенія. Тщетно нашъ черемисинъ доказывалъ древность своей Адамовой вѣры: онъ долженъ былъ согласиться, что вѣра эта устарѣла, что Богъ—совсѣмъ не кровожадное существо и ничуть не нуждается въ кровавыхъ жертвахъ; особенно запомнились ему ѣдкія нападки товарищей на черемисское многобожіе. Характерно, что съ черемисскимъ дуализмомъ всѣ собесѣдники легко мирились, но имъ казалось въ высшей степени забавно, что верховный Богъ черемисъ остается совсѣмъ безъ дѣла, такъ какъ подручные ему боги каждый безотчетно завѣдуетъ своей частью: одинъ скотомъ, другой пчелами, третій земными произрастеніями и т. д.

Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, у гвардейца созрѣлъ планъ радикальной реформы черемисской вѣры. Вернувшись на родину, онъ скоро нашелъ себѣ помощниковъ, въ лицѣ родного брата и сосѣда по деревнѣ, и втроемъ выработали они проектъ новой вѣры. Они упразднили всѣхъ боговъ и оставили одного верховнаго *Кугу Юмо*; точно также низложенъ былъ злобный *Керемет* съ его обширнымъ штатомъ, но дуализмъ все-таки сохранился, потому что носителемъ злого начала остался *Шайтанъ* и масса мелкихъ духовъ. Очистительнымъ началомъ реформаторы наши выставили не огонь,

а воду, быть можетъ потому, что огонь не столько очищаетъ, сколько уничтожаетъ все попавшее въ его власть; вода же самымъ наглядным образомъ способствуетъ удаленію нечистоты. Отвергнувъ принесеніе въ жертву животныхъ, реформаторы ввели жертвы изъ муки, масла и меда, но самою важною жертвой былъ признанъ пчелиный воскъ, какъ вещество, лишенное всякаго животнаго начала; изъ этого воска приготовляется одна огромная свѣча, напоминающая собою внушительныхъ размѣровъ цилиндръ; сверхъ того допущены восковыя свѣчи меньшихъ размѣровъ, числомъ не болѣе девяти. Изъ жертвеннаго обихода удалено все металлическое и даже гончарное: вся посуда сдѣлана изъ липоваго и березоваго дерева. Но бывшій гвардеецъ невольно сказался въ томъ, что въ число жертвенныхъ орудій для отогнанія шайтана введено было деревянное ружье и такая же сабля, обшитыя холстомъ.

Съ уничтоженіемъ кровавыхъ жертвъ, исчезла теперь у черемисъ постоянная надобность въ священныхъ рощахъ и въ разведеніи многочисленныхъ жертвенныхъ костровъ: отнынѣ моленія могли совершаться даже въ обыкновенной жилой избѣ, болѣе или менѣе чисто прибранной. Кромѣ жертвеннаго стола, на которомъ середину занимаетъ большая восковая свѣча, а по краямъ расположено все приносимое божеству, найдено было нужнымъ ввести еще другой столъ, на который раскладываются принадлежности новаго языческаго культа: сабля, ружье, а также запасныя восковыя свѣчи. Оба стола стоятъ на подстилкѣ изъ чистаго пеньковаго холста; кромѣ того отъ самаго стола длинный холстъ протянутъ изъ избы на дворъ и идетъ до ближайшаго водовмѣстилища—колодца, ключа или рѣчки, дабы очищающая стихія имѣла непрерывный доступъ къ мѣсту моленія.

Этимъ не ограничились всѣ реформы, введенныя основателемъ новой секты: насмотрѣвшись въ молодости, какимъ излишествамъ, какому объяденію и опивству предавались послѣ жертвоприношенія черемисы, реформаторъ началъ проповѣдь полнаго воздержанія, въ особенности отъ хмельныхъ напитковъ. Основатель секты и его ближайшіе сотрудники совершали свои моленія по новому обряду совершенно открыто, нисколько не таясь предъ своими единоплеменниками; входъ для нихъ былъ совершенно свободенъ, и только русскіе не допускались.

Всѣ вышеприведенныя подробности покойный Жилинъ изложилъ въ пространномъ письмѣ къ бывшему инспектору народныхъ училищъ Уржумскаго у. *В. К. Магнитскому*, нѣкогда своему прямому начальнику, а послѣдній передалъ это письмо мнѣ, передъ самой поѣздкой моей къ черемисамъ въ 1881 г. Кой-что въ этомъ письмѣ оказалось невѣрнымъ, иное пропущено. Въ ту пору мнѣ не удалось попасть на жертвоприношеніе новой секты, и я не могъ узнать о ней болѣе того, чѣмъ сообщало письмо Жилина къ Магнитскому; я собралъ только свѣдѣнія о томъ, что число прозелитовъ новой вѣры ограничивается пока лишь нѣсколькими дворами въ той деревнѣ, гдѣ жилъ ея основатель; что сектанты сами себя называютъ *ош марѝ*—„бѣлыми черемисами", хранителями древней вѣры „настоящихъ черемисъ" (*чи марѝ*), еще не испорченныхъ христіанствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я констатировалъ, что секта возбуждала большое вниманіе черемисъ, и многіе пріѣзжали издалека, чтобы ознакомиться со словъ основателя съ новымъ вѣроученіемъ и своими глазами видѣть ритуалъ секты *кугу сортѝ*. Можно было также констатировать, что рядовые язычествующіе черемисы относились къ новой вѣрѣ въ меньшинствѣ благосклонно, а въ большинствѣ—безразлично; зато черемисы, придерживающіеся русской вѣры, съ презрѣніемъ относились къ новоявленному вѣроученію и въ насмѣшку прозвали новую вѣру „большою свѣчой"—*кугѝ сортѝ*, такъ какъ кромѣ этой свѣчи на первыхъ порахъ ровно ничего не усматривали въ новой вѣрѣ, а жрецы не скрывали своего негодованія, хотя негодующихъ было ничтожное меньшинство. Въ ту пору я 8 дней прожилъ у верховнаго жреца черемисъ *Токпая* и былъ необычайно удивленъ обнаруженной имъ полною терпимостью къ новой сектѣ.

О новой сектѣ было вообще мало слышно, и на нее никто не обратилъ вниманія. Въ 1885 г. я перешелъ на службу въ Сибирь и надолго утратилъ живую связь съ черемисами. Въ 1890 г. я командованъ былъ Томскимъ университетомъ на Казанскую научно-промышленную выставку. Посѣщая историко-географическое отдѣленіе выставки, я увидалъ полный наборъ богослужебныхъ предметовъ, выставленный по собственному почину однимъ изъ основателей секты—Якмановымъ, фамилію котораго я теперь только узналъ. Теперь же стало для меня ясно, что̀ совсѣмъ пропущено

въ письмѣ Жилина и что̀ изложено недостаточно вѣрно. Даю полный перечень всѣхъ выставленныхъ предметовъ, съ записанными тогда же черемисскими названіями.

На подстилкѣ изъ „пеньковаго холста“ *(муш-винѐр)* стояли два стола *(ӱштэ̀л)*: одинъ липовый, другой березовый.

А. На „березовомъ столѣ“ *(кӯэ ӱштэ̀л)*: поставлены: 1) два деревянныхъ „блюда“ *(теркэ̀)*.

2) Обшитое пеньковымъ холстомъ деревянное „ружье“ *(пучӓ̀л)*.

3) Деревянная „сабля“ *(ке́рдӧ)* для отогнанія шайтана, также обшитая холстомъ.

4) Круглый „овсяный хлѣбъ“ *(шобакшӓ̀х)*.

5) Пучекъ изъ девяти самодѣльныхъ „восковыхъ свѣчей“ *(ши́шитӗ сортӓ̀)*, длиною $9^1/_2$ вершковъ каждая; 8 свѣчей не превышали толщины средняго пальца, а одна достигала до вершка толщины.

6) Восковая подставка для свѣчей, на подобіе массивнаго низкаго цилиндра, семи вершковъ въ діаметрѣ.

В. На „липовомъ столѣ“ *(пи́стэ ӱштэ̀л)* расположены были предметы другого рода.

1) Средину стола занимала восковая подставка для свѣчей, такихъ же размѣровъ, какъ и на березовомъ столѣ, и на ней лежало семь восковыхъ свѣчей указанной выше мѣры, при чемъ одна была толще остальныхъ.

2) Два куска дерева для добыванія живого огня; одинъ кусокъ имѣлъ форму небольшого липоваго полѣнца съ обтесанными концами, чтобы ловчѣе было держать въ рукахъ, а другой представлялъ собою простой березовый четырехгранный брусокъ.

3) Кусокъ вываренной въ кипяткѣ „березовой губки“ *(кӯэ по́нгӧ*—трутъ*)*.

4) Деревянная (березовая) „ступка“ *(шуӓ̀р)* для приготовленія муки и при ней пестъ *(шуӓ̀р бо́ндӧ)*.

5) Два „бурака“ *(ленӗ̀ж)* для жертвенныхъ напитковъ и при каждомъ „черпакъ“ *(кӯӯ̀ коркӓ̀)*.

6) Три „ковша“ съ длинными рѣзными черенками *(шӱ̄шлык)*.

7) Четыре малыхъ ковша съ короткими ручками *(коркӓ́)*.

8) Большая „разливательная ложка“ *(саблӓ̀)*.

9) „Холщевая сумка“ *(винѐр шӱ́быш)* со сверткомъ пеньковаго волокна *(муш)*, изъ котораго приготовляется свѣтильня для восковыхъ свѣчей.

10) Небольшой „мѣдный ножикъ“ (*той кюзѐ*) съ березовой ручкой для разрѣзанія жертвеннаго хлѣба, и наконецъ—

11) Холщевый колпакъ (*калпа̀к*), надѣваемый основателемъ секты при моленіи; колпакъ этотъ похожъ не то на женскую шашмуру (повойникъ), не то на татарскую тюбетейку; снизу колпакъ этотъ совершенно гладкій, а на верхушкѣ со сборками и небольшимъ нашивнымъ кружкомъ.

C. Сбоку на полу лежали: a) гусли (*кӱслѐ*), b) барабанъ малыхъ размѣровъ (*тӹ́мбур*, яранск. *тӹ́мбӗр*), c) волынка (*шӹ́быр*, яранск. *шӥ́быр*), и d) *пуч*—длинная труба, сплетенная изъ лыкъ.

Всѣ вещи выглядѣли новенькими, чистенькими, и видимо были нарочно заготовлены для выставки. На выставкѣ оказались сами основатели секты, братья Якмановы, которые по очереди объясняли значеніе выставленныхъ предметовъ; подобное объясненіе начиналось обыкновенно съ 8 ч. утра и тянулось часа 2 съ перерывами. Оказалось, что Якмановъ явился на выставку со всѣми принадлежностями культа по собственному почину. Ко времени выставки секта успѣла достаточно окрѣпнуть, число прозелитовъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, и вотъ захотѣлось Якманову показать, что въ его новой вѣрѣ нѣтъ ничего зазорнаго, вреднаго или запрещеннаго. Основатель секты ничего не скрывалъ, „потому что, говорилъ онъ, въ нашей вѣрѣ нѣтъ ничего тайнаго: приходи каждый и спрашивай, о чемъ угодно,—мы ничего не утаимъ“. Мало того, онъ приготовилъ для выставки письменное изложеніе основъ новой вѣры, въ которомъ смѣшаннымъ черемисско-русскимъ языкомъ попытался отмѣтить всѐ существенное, чѣмъ эта вѣра отличается отъ другихъ.

Обратимся къ этому документу.

ГЛАВА II.

Сектантское исповѣданіе вѣры. Комментарій къ нему. Почитаніе пятницы. Жертвенные столы: березовый и липовый. Восковыя свѣчи; ихъ длина, свѣтильня и способъ приготовленія. Восковой кругъ. Неупотребленіе меду и воску отъ умершихъ пчелъ. Медъ; медовщина и медовая сыта. Овсяный хлѣбъ на меду. Ржаныя лепешки на меду. Блины, каша, коровай ржаного хлѣба. Значеніе термина „непочатый". Коровье масло и творожныя лепешки. Ступка и пестъ; приготовленіе муки. Деревянный или живой огонь. Трутъ, солома и стружки. Роль печного шестка. Внѣшнее выраженіе почтенія къ Божеству: поклоны, колѣнопреклоненіе, воздѣяніе рукъ. Молитва. Сектантская идея о единомъ Богѣ; его жена. Устраненіе пророковъ, докладчиковъ и посланцовъ вмѣстѣ съ прочими богами. Ангелъ хранитель.

Олимпъ стараго черемисскаго язычества. Штаты боговъ. Смутное представленіе о Великомъ Богѣ. Скудость миѳическихъ сказаній. Значеніе Якманова въ созданіи новой вѣры. Половая свобода молодежи у сектантовъ. Величіе единаго Бога. Сектантская молитва: о прощеніи грѣховъ, объ избавленіи отъ бѣдствій, молитва за Царя, воинство и всѣхъ добрыхъ людей, за умершихъ. Списокъ запрещенныхъ (свинина, кобылятина, медвѣдь, заяцъ и бѣлка, равно прочіе звѣри и дикія птицы) и дозволенныхъ яствъ (куры, яйца, рыба, капуста). Запрещеніе вина, чаю, табаку. Уничтоженіе кровавыхъ жертвъ.

Написанный на полулистѣ сѣрой бумаги, документъ этотъ мало обращалъ на себя вниманія. Между тѣмъ онъ содержитъ не болѣе, ни менѣе какъ изложеніе всѣхъ особенностей новаго вѣроученія, нѣчто въ родѣ кугусортинскаго „символа вѣры." Начавъ съ описанія обстановки молепія, документъ этотъ приводитъ перечень жертвъ, содержаніе молитвы Великому Богу, списокъ всего дозволеннаго и запрещеннаго для употребленія въ пищу, списокъ запрещенныхъ напитковъ и, наконецъ, даетъ указаніе на то, что сектанты не допускаютъ кровавыхъ жертвъ.

Приводимъ точную копію этого документа, причемъ недостающіе знаки препинанія ставимъ въ скобкахъ, а новую мысль отъ предыдущей отдѣляемъ знакомъ ||.

На Казанскую выставку.

Краткое разъясненіе соблюдателей древно-черемиско-языческой вѣры Черемисъ Яранскаго уѣзда.

Моленіе бываетъ дежепятницу [1]) || къ моленію на столъ [2]) приготовляемъ слѣдующее: кладемъ кругъ воска (,) на которой ставимъ *ше́ште—сорта̀* [3])(—)восковыя свѣчи высотой 9 ½ вершковъ [4]) (,) свѣтильно [5]) изъ конопляннаго пѣнки [6]), некрученое и непрядено [7]), || за неимѣніемъ восковаго круга [8]) свѣчи ставимъ на коровай хлѣба, || воскъ и медъ отъ умершихъ пчелъ [9]) нами не употребляется. (sic) Къ моленію, а считаемъ за грѣхъ [10]) поставить Богу, || *мӱм* [11])(—)медъ въ кадкѣ и блюдѣ ставится, *пӱро̂* [12]) (,) т. е. мѣдовщину и *ши̇ро-шорба̂* [13])(—)неквашенный мѣдовщину || ставится *шобакша̀х* [14]), изъ овсяной муки на меду, прѣсные лѣпёшки(—)*шорба̀-ги́нде* [15]), *мелна̀-теркѝль* [16])—блѣны (на) блюдѣ, *немѐр теркэ̀м* [17])(—)изъ овсяной крупы кашу, *киндеркеш* [18]) *тычма̀ш суку́ром пы̆штэна̀* [19])(—)коровай непочатаго [20]) ржанаго хлѣба, *ӱм* и *тувара̀м* [21]) *пы̆штэна̀*(—)скоровное [22]) масло и творожныя лѣпёшки безъ соли [23]), || изъ хлѣба (sic) [24]) изготовляется для языческаго моленія посредствомъ толченіе въ ступкѣ [25]), || по изготовленіи всего этаго, огонь для зажиганія восковыхъ свѣчѣй достаемъ изъ березоваго и липоваго дерева [26]) и изъ соломы [27]) посредствомъ треніе.

Моленіе бываетъ такъ: всѣ стоимъ на ногахъ, некрестясь, однѣми поклонами [28]) до одного [29]) съ усердіемъ просимъ Высочайшаго Бога [30]), чтобы онъ простилъ намъ грѣхи [31]), далъ здравія: намъ и нашему скоту, ураждая хлѣбовъ, сохранилъ бы отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій [32]), благодаримъ Высочайшаго Бога за все прежнее [33]), приносимъ моленіе за Царя и за его вѣсь Царскій домъ [34]), за все Воинство [35]), начальство и добрыхъ людей [36]), за всѣхъ умершихъ [37]), которыя бы уготовали (sic) Царствіе Небесное [38]). Въ пищу никогда неупотребляемъ [39]) изъ скота: свинину [40]), кобылятину [41]), изъ звѣрей: медвѣдя [42]), зайца и бѣлку [43]) и проч. (,) изъ птицъ: курицъ [44]) и прочихъ

лѣсныхъ птицъ [45]) и яицы [46]), изъ огородныхъ овощей: капусту [47]), || остальное [48]) неупотребляемъ, || вина [49]) никакого не пьемъ, чаю тоже [50]), табакъ некуримъ [51]) и пенюхаемъ Кровопролитія [52]) намолебствіе непроизводимъ.

Это „исповѣданіе вѣры" соблюдателей древней черемисской вѣры требуетъ сложнаго комментарія. Если въ ту пору (1890) все вышеизложенное строго соблюдалось, то вѣрнѣе всего—только въ кружкѣ ближайшихъ къ основателю секты лицъ. Запретительный списокъ всего того, отъ чего сектантъ долженъ воздерживаться, слишкомъ великъ и слишкомъ неудобоисполнимъ для зауряднаго черемисина-прозелита; поэтому современный бытъ сектантовъ даетъ довольно много мелкихъ отступленій отъ завѣтовъ основателя. Кромѣ того въ приводимомъ малограмотномъ текстѣ есть много темнаго и неяснаго. Постараемся подробно разсмотрѣть всѣ мелочи, равно невразумительныя выраженія въ „исповѣданіи вѣры" кугу-сортинцевъ.

1) *дежепятницу*. Оригинальное слово это построено черемисскимъ грамотеемъ примѣнительно къ слову *ежедневно*, но начальное мягкое е (*йе* или *je*) получило своеобразную фонетическую окраску въ произношеніи черемисина и отразилось на его графикѣ. *Пятница* у всѣхъ черемисъ издревле почитается, равносильна нашему воскресенью и называется *кугарня̀* (т.-е. *кугу̀ арня̀*)—„великая недѣля", „большой недѣльный день"; къ этому дню пріурочены всѣ крупныя моленія черемисъ въ честь добрыхъ боговъ: а) въ Петровъ постъ — ближайшая къ Петрову дню (29 іюня) пятница, в) въ концѣ іюля—ближайшая къ Ильину дню (20 іюля) пятница и т. д. Неудивительно, что пятница осталась и у кугу-сортинцевъ. Вопреки общепринятому мнѣнію, я не отношу возникновеніе почитанія пятницы у нашихъ приволжскихъ финновъ къ началу распространенія мусульманства въ Приволжьѣ и Прикамьѣ, а считаю его болѣе древнимъ, когда и славяне чтили пятницу, посвященную богинѣ любви *Ладо*; почитаніе пятницы сохранялось въ Западной Руси до XVI в., и сейчасъ пережиткомъ его является почитаніе русскими повсемѣстно двѣнадцати пятницъ послѣ Пасхи.

2) *на столъ*. Здѣсь разумѣется столъ березовый, играющій роль жертвенника (*шагы*), устраиваемаго въ священной рощѣ язычниковъ. Такъ какъ березу особенно возлюбили добрые боги и съ ней связаны у черемисъ легенды о происхожденіи бѣлаго чере-

мисскаго костюма и проч., то эта береза осталась и у кугусортинцевъ главнымъ священнымъ деревомъ, изъ котораго сооружается жертвенный столъ. Типы этихъ столовъ довольно однообразны: на четырехъ ножкахъ, связанныхъ вверху рамой (царга), укрѣпляется столешница изъ двухъ или трехъ (смотря по ширинѣ) досокъ. Все это изготовляется изъ березоваго дерева, на березовыхъ же гвоздяхъ. Вмѣсто столешницы изъ досокъ случалось мнѣ видѣть берестяную настилку, пришитую къ царгѣ березовыми прутьями. Кромѣ березоваго стола устраивается еще липовый— для храненія на немъ богослужебной утвари. Длина столешницы березоваго стола имѣетъ 7 четвертей, какъ и липоваго. Вышины ножекъ и ширины столешницы я, къ сожалѣнію, не смѣрялъ.

3) *шёште сортà*, слѣдовало бы написать *шöштэ сортà*—восковая свѣча. Такія свѣчи издревле признавались единственно достойными для возжиганія Божеству; ни масло, ни сало, никакой другой освѣтительный матеріалъ не допускались для этой цѣли у черемисъ; такой же порядокъ соблюдается у мордвы, чувашъ, вотяковъ и крещеныхъ татаръ, придерживающихся старой шаманской вѣры. При постановкѣ свѣчей на восковой кругъ наблюдается, чтобы на липовомъ столѣ было 7 свѣчей, на березовомъ 9; въ срединѣ обыкновенно помѣщается большая свѣча (*кугỳ сортà*), а кругомъ нея звѣздообразно—6 тонкихъ свѣчей на липовомъ и 8 тонкихъ на березовомъ столѣ. Оба эти числа—семь и девять—имѣютъ мистическое значеніе; но только число 7 сектанты пріурочиваютъ къ числу дней недѣли, а относительно 9 не даютъ никакихъ объясненій.

4) *9½ вершковъ.* Черемисы сохранили мистическое значеніе чиселъ 7 и 9; такъ, они насчитываютъ 9 міровъ, среди которыхъ земля занимаетъ послѣднее мѣсто; всѣхъ вѣръ на землѣ 77; умершему въ 7-й день по смерти (равно какъ въ 40-й) обязательно предлагается угощеніе. Это же послѣднее число примѣнено къ свѣчамъ, но почему явился тутъ лишній ½ вершокъ, понять нетрудно. Этой мѣры придерживаются всѣ вообще сектанты, объясняя дѣло довольно просто: свѣча раскатывается на столѣ, принимая цилиндрическую форму, подъ давленіемъ дощечки съ ручкой на верху; нижній конецъ свѣчи гладко срѣзается, чтобы удобнѣе было его ставить на восковой кругъ, а верхъ слегка утончается около свѣтильни и обрѣзать его трудно, потому что свѣтильня (какъ

ниже увидимъ) этого не допускаетъ, ибо нужно, чтобы конецъ ея выставлялся. Сходящій постепенно на-нѣтъ верхній конецъ не имѣетъ, понятно, нормальной толщины, поэтому, чтобы *не погрѣшить* на счетъ узаконенной длины, сектанты прибавляютъ лишній ½ вершка. Что̀ касается толщины свѣчей, то она рѣдко бываетъ тоньше мизинца, но достигаетъ часто толщины полувершка и болѣе. 9-вершковый размѣръ восковыхъ свѣчей издавна въ употребленіи на языческихъ моленіяхъ черемисъ въ рощахъ, равно и на парадныхъ домашнихъ моленіяхъ. При жертвоприношеніяхъ Кереметю свѣчи употребляются тонкія и меньшаго размѣра, а на поминкахъ только ближайшіе родственники и недавно умершіе получаютъ настоящія свѣчи; остальнымъ покойникамъ ставятъ короткіе обрѣзки. Воскъ для свѣчей употребляется всегда желтый (неотбѣленный), непремѣнно свой черемисскій, а не купленный у иноплеменника.

5) *свѣтильно*, вм. „свѣтильня".

6) *изъ коноплянаго пѣнки.* Основатель секты не думаетъ этимъ сказать, что есть еще другая пенька, кромѣ конопляной; онъ хочетъ лишь выразить, что для свѣтильни пригодна только *конопля (муш)*, какъ женскій элементъ растенія, въ противуположность *поскони (пачàш)*—элементу мужскому.

7) *некрученое и непрядено.* Какъ извѣстно, наша церковь употребляетъ восковыя свѣчи со свѣтильней, скрученной изъ пряденой фабричной хлопчатой бумаги; старообрядцы и русскіе крестьяне для самодѣльныхъ восковыхъ свѣчей примѣняютъ крученую свѣтильню изъ льняныхъ нитокъ; язычествующіе инородцы постоянно употребляютъ для этой цѣли свѣтильню, скрученную изъ пеньковыхъ волоконъ, взятыхъ прямо изъ непряденаго повѣсма. Основатель секты забраковалъ тотъ и другой способъ: кугусортинцы берутъ прядь волоконъ пеньки, тщательно расправляютъ и вытягиваютъ ее и кладутъ на длинный лентообразный кусокъ нагрѣтаго воска, прикрывая его сверху другой полоской воска, а потомъ, загнувъ на нижней восковой полоскѣ кромку, начинаютъ катать по столу, нажимая дощечку, и придаютъ свѣчкѣ обычную цилиндрическую форму.

8) *восковаго круга.* Кругъ этотъ наз. теперь *ши́штӧ о́нгӧ* и долженъ обязательно имѣть 7 вершковъ ширины, или діаметра; толщина его—дѣло случайное, но она всегда довольно внушительна,

и кругъ этотъ имѣетъ форму низкаго, довольно тяжелаго по вѣсу цилиндра, замѣтно возвышаясь надъ поверхностью стола. Для полученія круга, обыкновенно расплавленный воскъ выливаютъ въ кадушку или шайку нужныхъ размѣровъ, въ которую предварительно налито немного горячей воды; эта вода мѣшаетъ воску пристать къ стѣнкамъ сосуда, и кругъ воска такимъ образомъ легко вынимается. Слышно, что сектанты побѣднѣе вмѣсто толстаго воскового цилиндра употребляютъ тонкую восковую лепешку соотвѣтствующаго діаметра, а если нѣтъ средствъ и для этого—просто коровай хлѣба. И коровай, и кругъ замѣняютъ собою, такимъ образомъ, большой подсвѣчникъ. У остальныхъ черемисъ восковыя свѣчи прилѣпляются въ рощѣ къ особой перекладинѣ, устраиваемой на нѣкоторомъ возвышеніи надъ престоломъ.

9) *воскъ и медъ отъ умершихъ пчелъ ими не употребляется.* Здѣсь цѣликомъ выражается древне-черемисское воззрѣніе на чистоту жертвы Божеству. Приносимая жертва у сторонниковъ кроваваго культа должна быть *чиста* (т.-е. омыта водою или выкупана), *непорочна* (т.-е. не испытавшая случки), безъ всякихъ недостатковъ или уродства (напр. хромая, слѣпая), не только совершенно здоровая, но даже не испытавшая никакой болѣзни. Понятно, что воскъ и медъ, осквернённые смертью пчелъ, непригодны для жертвы Богу: было бы насмѣшкою надъ Божествомъ употреблять ихъ въ дѣло. Даже русскіе воздерживаются приготовлять свѣчи изъ такого воска или дѣлать поминальный канунъ изъ подобнаго меду, а объ остальныхъ инородцахъ я уже не говорю.

10) *считаемъ за грѣхъ.* Это воззрѣніе сектантовъ представляетъ уже нѣкоторое приспособленіе къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Язычникъ черемисинъ во всемъ, что составляетъ отступленіе отъ ритуала, видитъ не грѣхъ (*сӹлык*), а ошибку, промахъ (*ӓзык*). Сами они объясняютъ эти промахи тѣмъ, что у нихъ нѣтъ записаннаго откровенія свыше, нѣтъ закона, почему всегда можно въ чемъ-нибудь сдѣлать уклоненіе отъ освященнаго вѣками, стало быть—угоднаго Богу порядка. Вотъ почему черемисы боятся, что при моленіи они всегда могутъ сдѣлать отступленіе въ чемъ-либо. Это прекрасно выражается въ извинительной молитвѣ, читаемой язычниками въ рощѣ на другой день послѣ жертвоприношенія.

Приводимъ эту любопытную молитву.

Пӧрӧ Кугу̀ Юмӧ̀!
Ала̀ ыштэ̀н кучэ̀н шына̀ мӧштӧ̀,
ала̀ вашака̀н киттэ́нӗ̆, вашака̀н йолдэ́нӗ̆ логална̀;
ала̀ вӧ́чкын—юн шына̀ мӧштӧ̀,
ала кӱ́зӗ̆-гы́чин подра̀ш-ша́мычӧ̀м возышна̀,
ала̀ йолдэ́нӗ̆ тошкышна̀,
ала̀ вургэ́м вокта̀н пи́жӗ̆н, кӱба̀р-ва́кы пура̀н каэ́н;
ала̀ лулэ́гӧ̀м йыжыпг мудэ̀ пужышна̀,
ала̀ шора́н вурчэ́мтэ́нӗ̆ Ты́йын о́пчыкет толна̀;
ала̀ „айда̀, ли́жӗ̆!“ кутӑ́рышна̀,
ала̀ о́пчыл шома́кӧ̀м шенкэ́чын каласышна̀...
Ме изи́ йырвэ́зӗ̆-ша́мыч га́йы улна̀, курыма̀ш огына̀л!..
И́мий кучэ̀н пужилтэ̀ш, адэма́т йылмӧдэ́нӗ̆ тӱ́кня́...
Пӧрӧ Кугу̀ Юмӧ̀, серла́гӑ!

Добрый, великій Боже!
Можетъ быть—держать (жертву) мы не съумѣли,
можетъ быть—нечистою рукой, м. б. грязною ногой прикоснулись;
можетъ быть—ѣли-пили неумѣло,
можетъ быть—съ ножа куски уронили,
можетъ быть—ногой топтали,
можетъ быть—къ одеждѣ пристало, на полъ упало;
можетъ быть—не найдя суставовъ, кости переломали,
можетъ быть—въ загаженной одеждѣ*) пришли передъ Тебя;
можетъ быть—„айда̀, ладно“! говорили,
можетъ быть—переднее слово назади сказали...
Мы—какъ малые ребята, мы—смертные!..
Лошадь съ копытомъ—екользитъ, человѣкъ съ языкомъ—запинается...
Добрый, великій Боже, помилуй!

11) *мӱ̆м—медъ въ кадкѣ и блюдѣ ставится.* Конструкція не выдержана: слѣдовало бы сказать: „*му*—медъ ставится“. На выставкѣ не было никакой кадки, но, наблюдая кугусортинскія моленія, я видалъ иногда, что въ липовой кадкѣ (вмѣсто бурака) ставилась медовщина, а въ блюдѣ—сотовый медъ для изготовленія сыты, если бы заготовленной не хватило.

12) *пӱрӧ̂, т.-е. мьдовщину* (вм. „медовщина“). Напитокъ, приготовляемый изъ солода путемъ броженія, иначе „пиво“, наз. у черемисъ *пура̀*, въ царевококш. говорѣ *сыра́* (ср. вотское *сыр*); медовщина же большею частью наз. *пурэ̀*, въ яранск. говорѣ *пурӧ̂*, но не *пӱрӧ̂*, какъ пишетъ Якмановъ.

13) *шӣра-шорба̀—неквашенный мьдовщину* (вм. „неквашенная медовщина“). Словомъ *шорба̀* черемисы наз. медовую сыту, т.-е. сотовый или перепущенный медъ, разведенный въ горячей водѣ; обыкновенно эта сыта, наряду съ кумышкой, приносится въ жертву на моленіяхъ остальныхъ черемисъ, но такъ какъ кугусортинцы водки не употребляютъ и не допускаютъ кумышки на моленіяхъ

*) *Шора̀н вургэ́м*—vestis obcacata.

и въ домашнемъ обиходѣ, то они возстановили употребленіе древнѣйша госвоего напитка *пурэ̀* для жертвенныхъ надобностей. Если *пурэ́* не подсычено, т.-е. не подслащено свѣжимъ мёдомъ, то оно кисловато на вкусъ, тогда какъ сыта (*шорба́*) слащава на вкусъ, почему и названа здѣсь нѣсколько неправильно *ши́рӑ* (вм. *ше́рĕ*) —„сладкая".

14) *шобакша̀хъ изъ овсяной муки на меду.* Это—нѣчто совсѣмъ новое въ числѣ жертвенныхъ приношеній и яствъ. Обыкновенно только по праздникамъ черемисы готовили мелкое печенье на медовой сытѣ (родъ пирожнаго или пряника), а изготовленіе подобнаго хлѣба есть нововведеніе основателя секты; самое слово *шобакша̀хъ* является новостью въ черемисской лексикѣ.

15) *шорба̀ ги́нде* (читай *ги́ндэ̆*). Словомъ *ки́ндэ̆* обозначается ржаной хлѣбъ par excellence, а также и всякое мелкое печенье изъ ржаной муки, какъ въ данномъ случаѣ лепешки на медовой сытѣ. Но здѣсь эти лепешки *прѣсныя*, какъ и всякое печенье, назначаемое въ жертву, за исключеніемъ ржаного хлѣба. Другой видъ лепешекъ называется: *эге́рчĕ* (на яйцахъ), *салма̀ киндэ̆* (толстыя на маслѣ).

16) *мелна̀ теркя̀ль* буквально значитъ не „блѣны (на) блюдѣ", а *блюдные* или *тарелочные блины*; блины пекутся на сковородкѣ, которая повсемѣстно называется *салма̀*, а подаются на блюдѣ (*теркэ̀*), глубиной своей не превосходящемъ обыкновенной глубокой тарелки. По способу подачи на столъ блины и названы здѣсь „тарелочными" (*теркя̀ль*—прилаг. отъ *теркэ́*, по яранск. говору *терька̂*). Здѣсь кстати замѣтить, что деревянная посуда, въ которую откладывается и отливается доля для Божества, каждый разъ берется новая, только-что выточенная на станкѣ.

17) *немѐр теркэ̀м.* Вип. пад. *теркэ́м* зависитъ отъ далѣе стоящаго дѣйств. глагола *пышпэна̀*—ставимъ. Выраженіе это буквально значитъ „кашное блюдо, блюдо съ кашей"; но, строго говоря, *немэ̀р* (вост.-черем. *не́мы̆р*) не значитъ „каша", а нѣчто приближающееся къ киселю, всего вѣрнѣе—размазня изъ мелкой овсяной крупы, отсѣваемой послѣ толченія зерна въ ступѣ. Самое толченіе зерна обыкновенно исполняется женщинами.

18) *киндер-кеш.* Въ такомъ видѣ слово это не имѣетъ никакого смысла: *киндер*, полузабытое старочеремисское слово, значитъ „конопля", а *кеш* не имѣетъ значенія; если разбить слово это на два:

кӹндэ и *сӱкэн* или *эрӹкэн*), то получится невразумительное реченіе: *хлѣбъ на волю*. Остается допустить здѣсь описку, къ сожалѣнію—трудно исправимую, хотя ясно, что рѣчь идетъ о чистомъ (*ӳрѐ*) ржаномъ хлѣбѣ (*кӹндэ*), непочатомъ (*тычмаш*), испеченномъ въ видѣ обыкновеннаго коровая (*сукӳр*).

19) *пыштена*—„ставимъ". Вся фраза построена по-черемисски, а далѣе глаголъ повторяется по-русски.

20) *непочатаго* (тычмàш). Принести въ жертву что-нибудь „початое" не полагается: испробованныя до моленія и возношенія Божеству яства неугодны послѣднему, какъ испорченныя или оскверненныя; кугусортинцы оставили въ полной неприкосновенности требованія древняго языческаго ритуала.

21) *ӳм* и *туварам*. Винит. пад. зависитъ здѣсь, какъ и выше, отъ стоящаго далѣе глагола *пыштына*, хотя употребленный ранѣе глаголъ „ставится" требуетъ имен. пад. *Туварà*—по яранскому говору, а обычно *туарà*, вост.-черем. *тòрык*, безъ сомнѣнія есть искаженіе русскаго „творогъ". Упоминаемыя здѣсь творожныя лепешки—любимое праздничное кушанье всѣхъ черемисъ.

22) *скоровное*. Странное слово это обязано своимъ происхожденіемъ чисто-черемисской этимологіи: черемисинъ производитъ „скоровный" отъ „корова", и для него оно равносильно слову *коровій*.

23) *безъ соли*. Характерно, что у черемисъ вообще все предлагаемое богамъ въ жертву *никогда не солится;* такой же пріемъ усвоили и основатели новой вѣры. По этому поводу невольно напрашивается догадка, не относится ли установленіе жертвенныхъ порядковъ у черемисъ еще къ той отдаленной порѣ, когда они не знали соли (*шенжӓл, шинчӓл*)?

24) *изъ хлѣба*. Здѣсь — неясность, подобная отмѣченной въ примѣчаніи 17. Очевидно, пишущій хотѣлъ сказать: „мука для хлѣба".

25) *въ ступкѣ*. Эта ступка (*шуӓр*) дѣлается изъ березоваго дерева, какъ и пестъ (*шуӓр бòндо*), но приготовляемая въ ступѣ мука имѣетъ массу отрубей, изъ коихъ болѣе крупные идутъ на кашу или размазню (*немэ̀р*). Въ ступахъ большинство нашихъ инородцевъ повсемѣстно готовитъ крупу для домашняго обихода, особенно вдали отъ мельницъ. Но нельзя сказать, чтобы это былъ единственный древній черемисскій способъ приготовленія отрубей

и муки: какъ показываютъ находки на старыхъ инородческихъ городищахъ, употреблялся также ручной жерновъ.

26) *изъ березоваго и липоваго дерева.* Огонь изъ дерева добывается самымъ примитивнымъ способомъ: черемисы не знаютъ даже смычка, который быстро вращаетъ вертикальную палочку, упирающуюся въ подставку; у кугусортинцевъ одинъ держитъ за концы липовое полѣно, другой быстро водитъ взадъ и впередъ по этому полѣну четырехграннымъ березовымъ брускомъ. Когда полѣно начнетъ тлѣть, подставляется кусокъ трута, а загорѣвшійся трутъ кладется въ солому, и уже съ помощью послѣдней разжигаются дрова.

27) *изъ соломы.* Современная практика кугусортинцевъ допускаетъ, кромѣ соломы, употребленіе березовой или липовой стружки. Такъ какъ до манифеста о свободѣ вѣроисповѣданій сектанты рѣдко молились въ рощахъ (это было возможно лишь до ссылки братьевъ Якмановыхъ), а большею частью потаенно—въ избѣ съ закрытыми ставнями, которая расположена была гдѣ-нибудь на пчельникѣ и содержалась въ полной чистотѣ,—то сожиганіе жертвы производилось на печномъ шесткѣ (*комай* или *конй ончыл*).

28) *одними поклонами.* Молитвенная поза кугусортинцевъ не представляетъ ничего новаго: черемисы язычники точно также во время жертвоприношенія стоятъ на ногахъ, въ шапкахъ; точно также большинство молящихся въ рощѣ, памятуя, что они не въ церкви, ограничиваются одними поясными поклонами, но нѣкоторые по забывчивости осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, а въ Малмыжскомъ уѣздѣ я видалъ и такихъ черемисъ, которые закрывали себѣ ладонями лицо и проводили ими сверху внизъ совершенно по-мусульмански: эти послѣдніе, когда наступалъ моментъ колѣнопреклоненія, не становились на колѣни, какъ христіане, а просто садились на подогнутыя подъ себя ноги. Сектанты допускаютъ только полсной поклонъ и колѣнопреклоненіе съ наклономъ головы до земли; молясь, они совсѣмъ не снимаютъ шапокъ или бѣлыхъ войлочныхъ своихъ шляпъ (о чемъ основатель секты не упоминаетъ). Якмановъ пропустилъ самое важное: что совершающій моленіе жрецъ и его помощникъ въ важнѣйшіе моменты молитвы „воздѣваютъ руки“, поднимая ихъ вровень съ головою и обращая ладони въ ту же сторону, куда обращено

лицо. Конечно, сектанты много разъ видали, какъ православный священникъ молится въ алтарѣ съ воздѣтыми руками.

29) *до одного*—„всѣ до единаго, до послѣдняго". Въ данномъ случаѣ видимъ мы полное сходство съ молитвою остальныхъ черемисъ: обыкновенно каждый вполголоса повторяетъ слова произносимой жрецомъ молитвы, а въ моментъ сожиганія жертвы всѣ мысленно стараются высказать Божеству свои завѣтныя желанія и просьбы.

30) *высочайшаго Бога*. Отвергая всѣхъ второстепенныхъ боговъ и богинь черемисскаго Олимпа, число которыхъ очень велико, Якмановъ признаетъ одного „Великаго Бога Творца"—*Кугу̀ пу́йршŏ Ю́мŏ* и его жену, мать его дѣтей, *Кугу̀ пу́йршŏ Ю́мŏн ава́жĕ*—„мать-жена Великаго Бога Создателя". Жена Великаго Бога—персона безъ всякихъ функцій. Когда сектантамъ указываютъ на это, они обыкновенно отвѣчаютъ: „у васъ, вѣдь, тоже есть Божія Матерь". Состоящіе по штату у каждаго изъ главныхъ боговъ пророки (*піамба̀р*), докладчики черемисскихъ нуждъ (*ве́днезĕ*) и ангелы-адъютанты, посылаемые богами на землю (*су́кчŏ*), равно ангелы у второстепенныхъ боговъ признаны также излишними; но ангелъ хранитель, даруемый каждому черемисину со дня рожденія, постоянно, до самой смерти невидимо сидящій на правомъ плечѣ черемисина (почему и называется *вачĕва̀л су́кчŏ*, т.-е. „на плечѣ ангелъ"), остался по-прежнему хранителемъ кугусортинца.

Старый языческій Олимпъ соблюдалъ въ управленіи человѣчествомъ строгое раздѣленіе труда и наблюденія: всякое занятіе, всякій промыселъ, всѣ явленія природы (вѣтеръ, морозъ, дождь, громъ, молнія), небесныя свѣтила, звѣзды, земля и вода—все управлялось отдѣльными божествами; даже зачатіемъ младенца и формированіемъ его въ утробѣ матери завѣдывала особая богиня. А надъ всѣми этими богами и богинями, гдѣ-то въ невѣдомой дали лазурнаго неба обиталъ „Великій Богъ" — *Кугу̀ пу́йршŏ Юмŏ* съ женою. Слишкомъ далекъ онъ былъ отъ грѣшной земли, и труденъ былъ къ нему доступъ для молитвы бѣдныхъ черемисъ: если эту молитву принялъ *ве́днезĕ* Великаго Бога, онъ не можетъ миновать *Капка̀ о́рŏлŏ* (привратника), „охраняющаго ворота въ усадьбѣ Великаго Бога, а если умилостивленный привратникъ пропуститъ, нужно входить въ сдѣлку съ состоящимъ при Богѣ „пророкомъ" (*піамба̀р*). Однимъ словомъ, доступъ къ

Великому Богу столь же трудно для черемисской молитвы, какъ самому черемисину трудно, напр., добраться до губернатора.

Только послѣ столь сложной процедуры молитва черемисина язычника достигаетъ наконецъ Великаго Бога, безстрастно возсѣдающаго въ богатой горницѣ, выстроенной среди окруженнаго новымъ высокимъ заборомъ двора, покрытаго богатою растительностью, среди которой пасутся обширныя стада Бога, пополняемыя постоянно приносимыми жертвами.

Крупную фигуру Великаго Бога заслонялъ цѣлый штатъ другихъ боговъ, а такъ какъ судьбой каждаго человѣка завѣдывалъ особый „Богъ судьбы“ — *Кавàн ю́мӧ* или *Кавà ю́мӧ*, то фигура Великаго Бога, безконечно добраго (*по́рӧ*) къ людямъ, рисовалась черемисамъ очень туманно: теоретически какъ-будто все должно было быть въ его рукахъ, отъ него зависѣть, но на практикѣ, при совершенномъ раздѣленіи труда, Великій Богъ являлся для черемисъ чѣмъ-то призрачнымъ, крайне неяснымъ, а его функціи сводились почти къ нулю. Полная безпомощность „добраго Великаго Бога“ особенно ясна дѣлалась черемисамъ, когда они сопоставляли ее съ могуществомъ „злобнаго“ (*осàл*) Кереметя, его младшаго брата: въ то время, какъ Великій Богъ терпѣливо ждалъ обѣщанной жертвы, Кереметю надо было приносить ее безъ замедленія. Всякій другой народъ на мѣстѣ черемисъ, создавъ столь обширный штатъ боговъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выработалъ бы и цѣлый рядъ миѳическихъ сказаній. Но у черемисъ въ этомъ отношеніи замѣчается поразительная бѣдность.

Подъ вліяніемъ моихъ вопросовъ, черемисскіе жрецы часто сознавались, что имъ самимъ трудно дать себѣ отчетъ въ томъ, какую же, наконецъ, роль играетъ Великій Богъ въ міроправленіи? Не странно ли, что, молясь напр. о прибыльномъ пчеловодствѣ, черемисинъ долженъ былъ непремѣнно принести жертву „богу пчелъ“ (*мюкш он*) и его женѣ (*мюкш авà*), а жертва Великому Богу была при этомъ необязательна; точно также, молясь объ избавленіи отъ градобитія, черемисинъ обращался къ „гремящему, молніеносному богу“ (*Ку́дурчӧ во́лгочй ю́мӧ*), а не къ великому *Кугу̀ Ю́мӧ*... Основатель новой секты глубоко продумалъ всю несообразность такого порядка. Если мы только представимъ себѣ всю сложность и трудность логическаго процесса, какой онъ продѣлалъ, то мы поймемъ, какъ громадна была работа этого недюжин-

наго ума. Безконечное число дней и ночей ушло у отставного гвардейца съ товарищами на продумываніе и взвѣшиваніе всѣхъ несообразностей въ черемисской миѳологіи. Но мало было продумать: надо было обосновать солидными аргументами свою новую религіозную систему, предвидѣть всѣ возможныя на первыхъ порахъ возраженія со стороны приверженцевъ „старой Адамовой вѣры", которые начало кроваваго жертвеннаго культа относятъ къ эпохѣ, близкой къ сотворенію человѣка. Гвардеецъ и здѣсь нашелся, ссылаясь въ бесѣдахъ съ черемисами на грубость древняго человѣчества, а съ другой стороны прототипъ новой своей вѣры Якмановъ видитъ въ безкровномъ жертвоприношеніи Авеля. И я представляю себѣ, что черемисы жадно слушали апостола новой вѣры. Должно быть, рѣчи его были убѣдительны, если число прозелитовъ росло со дня на день, и ко времени ссылки въ Сибирь основателей секты пять волостей съ черемисскимъ населеніемъ уже исповѣдывали новое ученіе, а въ настоящее время въ трехъ смежныхъ уѣздахъ почти половина черемисскаго населенія тяготѣетъ къ новой сектѣ.

31) *простилъ намъ грѣхи.* Выше, въ примѣч. 9, я указалъ, что черемисы вообще не каялись Богу въ своихъ грѣхахъ. Самое воззрѣніе язычествующихъ черемисъ на грѣхъ крайне своеобразно. Грѣхъ незамолимъ: его нельзя покрыть ни кровавыми жертвами, ни свѣчами, ни усердными моленіями,—только дѣла благотворенія и возмѣщеніе нанесеннаго ущерба покрываютъ грѣхъ. Но грѣховными поступки черемисина становятся тогда, когда они наносятъ ущербъ ближнему (отнятіе жизни и имущества, колдовство и порча, присвоеніе путемъ кражи или хитрости, порча чужого добра, непочтеніе къ Богу, къ родителямъ и старшимъ, ложь, зависть и злоба, клевета и ябеда); все же остальное, отражающееся главнымъ образомъ на личности самого согрѣшающаго, напр., пьянство и дурное поведеніе вообще, небрежность въ дѣлахъ и хозяйственная нерадивость,—это будетъ не грѣхъ, а проступокъ, за который виновный наказуется или Богомъ, или презрѣніемъ ближняго.

Кугосортинцы значительно расширили списокъ грѣховъ; въ число послѣднихъ внесены: невоздержаніе (отъ вина, чаю, табаку), несоблюденіе чистоты, употребленіе въ пищу нѣкоторыхъ звѣрей и птицъ (о нихъ рѣчь впереди); требованія морали они также

весьма замѣтно повысили; впереди стоитъ заповѣдь о томъ, что всѣ люди-братья, а изъ нея вытекаетъ много такого, что̀ приближаетъ ученіе секты къ христіанству и ставитъ это ученіе недосягаемо выше черемисскаго язычества. Но Якмановъ не рѣшился воспретить добрачную половую свободу: слишкомъ ужъ глубоко лежитъ она въ нравахъ черемисъ и слишкомъ дорожатъ они продолженіемъ рода, во имя котораго дѣвушка можетъ не выходить замужъ, но *должна* имѣть хотя одного ребенка... И кугусортинская дѣвушка въ короткія іюньскія ночи жадно прислушивается къ звукамъ *пуча*—длинной лычной трубы,—которыми парень вызываетъ ее на свиданіе. Въ этомъ отношеніи у сектантовъ все осталось по-старому.

32) *отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій.* Молились объ этомъ черемисы и раньше, до появленія секты *кугу сорта*, но тогда ихъ молитва поневолѣ теряла характеръ цѣльности, разбиваясь по адресу цѣлаго ряда боговъ, сообразно спеціальной функціи каждаго. Величіе Верховнаго Бога теперь значительно выиграло, когда въ лицѣ его соединилась власть надъ *всѣмъ міромъ* и человѣкомъ, до этого по частямъ распредѣленная между многими божествами. Можно сказать, что черемисинъ (язычникъ и крещеный, но несвѣдущій въ христіанской вѣрѣ) только теперь началъ отдавать себѣ отчетъ, что такое *всемогущій Богъ*, когда секта отвергла всѣхъ другихъ боговъ, равно перестала признавать Кереметя, который безсиленъ вредить черемисину, находящему защиту въ великомъ и единомъ Богѣ.

33) *благодаримъ Бога за все прежнее.* Какъ бы ни было неприглядно прошлое, кугусортинецъ не жалуется, а благодаритъ за него Бога; точно также онъ прощаетъ и забываетъ причиненныя ему обиды и притѣсненія со стороны начальства. Эта незлобивость поражала не только меня, но и всѣхъ, кто соприкасался съ сектантами (Угрюмовъ, Мошковъ, Кобловъ). Только высокимъ подъемомъ религіознаго духа, очищеніемъ помысловъ отъ всего грѣховнаго и широкою любовью къ ближнему можно объяснить подобное явленіе. Намекъ на прежнее время всегда замѣтенъ былъ въ молитвахъ черемисъ. Но, ссылаясь на времена предковъ (*тӧшто̀ марӥ шӓмыч*), язычникъ отмѣчалъ только, что при предкахъ всего было „изобильно“: хлѣба, скота, звѣрей, денегъ, что предкамъ во всемъ была „удача“; такой же удачи и изобилія

просилъ язычникъ и для себя, по примѣру предковъ, и если желаніе его исполнялось, онъ считалъ, что Богу угодна была жертва, и за нее именно Богъ наградилъ черемисина изобиліемъ. Обратно, если, напримѣръ, прошеніе объ урожаѣ не исполнялось, какъ въ 1875 и 1879 гг., черемисы приносили болѣе обильныя жертвы, вновь повторяя въ молитвахъ свои желанія. Благодарить за неурожай не приходилось, а нужно было умилостивлять Бога обѣщаніемъ новой жертвы. Словомъ, въ чистомъ язычествѣ черемисинъ какъ бы вступаетъ съ Божествомъ въ сдѣлку: „ты мнѣ, а я тебѣ", и только немногіе черемисы доходили до болѣе возвышеннаго понятія о Богѣ, какъ Существѣ, дѣйствующемъ по началамъ высшей справедливости, да и то таковые оказывались преимущественно среди жрецовъ.

Воззрѣнія сектантовъ на Верховнаго Бога значительно облагорожены, а вмѣстѣ съ тѣмъ кугусортинецъ, вручивъ свою судьбу единому Богу, не чувствуетъ себя такимъ растеряннымъ и безпомощнымъ, какъ прежде, когда ему приходилось выбирать заступника и покровителя среди цѣлаго сонма боговъ. Но при этомъ поражаетъ въ сектантствѣ одна черта, которая нечасто встрѣчается даже среди христіанъ: это—полное и всецѣлое подчиненіе себя волѣ Божіей. Оно столь трогательно въ нашъ матеріальный вѣкъ, столь необычно для малокультурной инородческой среды, что невольно переноситъ наблюдателя въ тѣ отдаленныя эпохи, когда человѣкъ умѣлъ еще уходить отъ всего земного и сливаться съ Божествомъ. Удивительно, что сектанты, живя въ мірѣ, ведутъ часто полу-аскетическій образъ жизни, а обузданіе своихъ помысловъ и подчиненіе своей воли и поступковъ требованіямъ морали доводятъ до той степени, которая не для всякаго досягаема.

34) *приносимъ моленіе за Царя и за его весь Царскій домъ.* Ранѣе у язычествующихъ черемисъ моленіе за Царя выражалось только тѣмъ, что они просили у Великаго Юмы урожая и изобилія главнымъ образомъ для того, чтобы исправно уплатить подати (*юза̀к*, т.-е. ясакъ). Теперь сектанты внесли еще особое прошеніе о дарованіи Государю (*ош кугужа̀*—„бѣлый Царь") здравія и долгоденствія, равно и всей его семьѣ.

35) *за все воинство.* Молитва за все воинство, сколько знаю, читалась на моленіи только однажды—въ 1881 г., когда, вскорѣ послѣ кончины Императора Александра II, духовный глава чере-

мисъ видѣлъ сонъ, будто турки вновь собираются воевать съ нами. Кугусортинцы внесли разъ навсегда въ молитву прошеніе о дарованіи воинству русскаго „бѣлаго Царя“ побѣды и постоянно читаютъ его на моленіяхъ; въ этомъ случаѣ невольно сказался въ основателѣ секты солдатъ, бывшій гвардеецъ.

36) *начальство и добрыхъ людей.* Ничего подобнаго не знало черемисское язычество. Да и трудно было язычествующимъ черемисамъ молиться за начальство духовное и свѣтское, которое причиняло имъ много безпокойства, стѣснял въ дѣлахъ вѣры и облагая часто незаконными поборами; ряса миссіонера и форменная фуражка были одинаково страшны язычнику и придерживающемуся старины крещеному черемисину. Постоянныя гоненія на черемисъ вызвали у послѣднихъ не молитву за притѣснителей, а оригинальную вставку въ молитву, въ которой они просятъ обыкновенно объ избавленіи отъ злодѣевъ дневныхъ и ночныхъ; черемисы прибавили сюда спеціальное прошеніе объ избавленіи „отъ мошенника-исправника, отъ мошенника-попа и отъ всякаго мошенника-чиновника“. Это показываетъ, какъ мало инородецъ довѣряль начальству. У кугусортинцевъ нѣтъ въ молитвѣ этой оскорбительной для русскаго вставки, и они молятся не только за всѣхъ участниковъ безкровнаго жертвоприношенія, но и „за все вообще начальство и всѣхъ добрыхъ людей“. Мы видимъ отсюда, насколько любовь къ ближнему беретъ перевѣсъ у секганта надъ всѣми другими чувствами. А, казалось бы, достаточно было одной административной высылки въ Сибирь, чтобы надолго могло сохраниться у основателя секты недовѣріе и злоба къ начальству...

37) *за всѣхъ умершихъ.* Молитвы за умершихъ читаются у язычниковъ только на поминкахъ; обращенная къ главѣ загробнаго міра, молитва не проситъ о прощеніи грѣховъ умершихъ и объ улучшеніи ихъ участи; это послѣднее если и возможно, то не навсегда, а только на время, подъ вліяніемъ жертвъ, приносимыхъ владыкѣ загробнаго міра: онъ можетъ лишь на время отпускать души умершихъ на землю. Но чтобы хотя ненадолго освѣтить темный загробный міръ и доставить нѣкоторое удовольствіе для грѣшниковъ, продолжающихъ сохранять чисто земныя потребности, живые родственники должны предлагать имъ время отъ времени трапезу и ставить восковыя свѣчки. Сектанты хотѣли бы реорганизовать и эту сторону черемисскихъ вѣрованій, но у нихъ какъ-буд-

то не хватило умѣнья. Хотя Якмановъ и говоритъ въ своемъ исповѣданіи, что сектанты молятся, чтобы умершіе

38) *уповали* (читай „себѣ, т.-е. удостоились“) *Царствіе Небесное*, но этого „царствія“ кугусортинцы даже и приблизительно себѣ не представляютъ: они свели молитву, подобно язычникамъ, къ тому, чтобы Великій Богъ дозволилъ „ходить умершимъ при свѣтломъ солнцѣ“, а не во мракѣ. У нихъ нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы души умершихъ находились ближе къ Богу и наслаждались созерцаніемъ его величія: это кажется имъ еще кощунствомъ. Но такъ какъ въ послѣднее время среди черемисъ усердно распространяется переводъ апокрифическаго „Хожденія св. Ѳеодоры по мытарствамъ“, то очень можетъ быть, что они выработаютъ себѣ болѣе детальное представленіе о загробной участи и о блаженствѣ въ царствѣ небесномъ. Но въ данное время сектанты, отбросивъ старочеремисское воззрѣніе на загробный міръ, какъ блѣдную копію настоящаго, гдѣ умершіе продолжаютъ жить по-земному, отказываются нарисовать картину загробнаго быта. Любопытно, надолго ли сохранится такое воззрѣніе.

39) *въ пищу никогда не употребляемъ*. Якмановъ могъ это сказать только про себя и про своихъ первыхъ, наиболѣе экзальтированныхъ прозелитовъ. Приводя перечень всего неупотребляемаго въ пищу, основатель секты смѣшиваетъ иной разъ въ своемъ изложеніи употребляемое съ неупотребляемымъ, дозволенное съ запрещеннымъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

40) *свинину*. Свиней (*сёсна*) черемисы вообще разводятъ мало, ибо онѣ причиняютъ много хлопотъ: ломаютъ изгородь, портятъ выгоны и непригодны для жертвы богамъ. Кугусортинцы еще потому чувствуютъ отвращеніе къ свиньѣ, что она питается всякою мерзостью. Язычники избѣгаютъ приносить свиней въ жертву даже Кереметю: никому не нравится это грязное животное... Но вообще черемисы, язычники и крещеные, довольно неразборчивы въ пищѣ. Случалось видать, что они употребляютъ въ пищу вареную сороку, лисицу, барсука. Это чаще наблюдается на лѣвомъ берегу р. Вятки, въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

41) *кобылятину*. Конина издревле употреблялась въ пищу всѣми нашими инородцами; на рынкахъ сѣверной Россіи лошадиное мясо продавалось наряду съ зайчиной, бѣлкой и бобровиной еще въ XV в. Татары колютъ только старыхъ лошадей, а жеребята-

ми лакомятся болѣе богатые. За послѣднее 25-лѣтіе лошадиное мясо черемисы ѣли только при большихъ моленіяхъ и на богатыхъ поминкахъ; но для этихъ цѣлей закалывалось обыкновенно животное не старше $1^1/_2$, много 2 лѣтъ. Отвычка отъ конины производила то, что многіе объѣдались ею на моленіяхъ. Когда начиналась острая боль въ желудкѣ, объѣвшагося отхаживали тѣмъ, что или катали по землѣ, старательно при этомъ растирая животъ, или гоняли до полнаго изнеможенія, какъ лошадь на кордѣ, по полянѣ, подстёгивая прутьями. При каждомъ большомъ моленіи возможны случаи смерти отъ объяденія: умираютъ не только бѣдняки, давно не видавшіе мяса, но и люди богатые, какъ ревнитель древняго язычества Александръ изъ дер. Тамшинери (около 1903 г.). Памятуя такіе случаи, Якмановъ устранилъ конину (*и́мнѐ шыл*) совершенно.

42) *медвѣдя.* Теперь медвѣдь (*маска̀*) составляетъ рѣдкость на черемисской территоріи; въ языческихъ молитвахъ черемисъ онъ упоминается наряду то со звѣрями, вредящими домашнему скоту, то въ числѣ промысловыхъ звѣрей. Но лѣтъ 60 тому назадъ медвѣдя было еще много и за нимъ охотились; такъ напр., верховный жрецъ черемисъ *Токпа̀й*, умершій около 1900 г., много разъ ходилъ на медвѣдя съ рогатиной (*маска̀ у́мдо̆*). Охота производилась на этого хищника главнымъ образомъ ради шкуры, а въ пищу употреблялось далеко не все мясо, но только голова, лапы и окорока; сало извлекалось для хозяйственныхъ и лѣчебныхъ надобностей.

43) *зайца и бѣлку.* Эти грызуны всегда употреблялись черемисами въ пищу и приносились въ жертву кереметямъ. Но такъ какъ основатель секты довольно строго провелъ неупотребленіе въ пищу всѣхъ звѣрей, равно животныхъ и птицъ, которыхъ черемисы не разводятъ сами, то онъ поступилъ совершенно логически, возбранивъ употребленіе мяса зайца (*меря̀нг*) и бѣлки (*ур*); въ то же время черемисская бѣднота, примкнувъ къ сектѣ лишается существеннаго пищевого подспорья при скудномъ инородческомъ хозяйствѣ. Остается одно: нарушать иногда кугусортинскую заповѣдь, а потомъ приносить Богу покаяніе; такъ большинство по нуждѣ и дѣлаетъ въ послѣднее время.

44—46) *курицъ и яйцы.* Здѣсь мысль выражена такъ, какъ-будто куры и куриныя яйца не употребляются въ пищу, наравнѣ

„съ прочими лѣсными птицами". Но курица—птица домашняя, а не лѣсная, какъ тетеревъ, рябчикъ, куропатка. Кугусортинцы употребляютъ въ пищу куръ *(чибы̆)* и яйца *(му́нŏ)*; глава уржумскихъ кугусортинцевъ, угощая меня чаемъ, велѣлъ мнѣ подать сваренныхъ всмятку куриныхъ яицъ и огурцовъ съ медомъ, и ѣлъ при мнѣ яйца. Мнѣ разрѣшено было курить; мало того, я послалъ за бутылкой водки и угощалъ собравшихся ко мнѣ черемисъ, не принадлежащихъ къ сектантамъ. Это показываетъ, насколько велика терпимость сектантовъ и какъ они снисходительны къ людскимъ слабостямъ.

47) *капусту.* Какъ увидимъ ниже, огородныя овощи не изгоняются изъ кулинарнаго черемисскаго обихода, и дѣло не ограничивается одной капустой *(кобышта̀)*.

48) *остальное не употребляемъ.* Къ „остальному" относятся: огурцы *(кга̀р)*, рѣдька *(ко́чŏ ушмэ̀н)*, картофель *(паре́нгĕ)*, свекла *(йошка̀р ушмэ̀н)*, горохъ *(пурса̀)*, бобы *(не́мыч пурса̀)*, лукъ *(шога̀ч)*, морковь *(кэ́шы̆р, мокрока̀)*, рѣпа *(ырэ́вы̆)*, брюква *(ше́рĕ ушмэ̀н)*. Все это, наряду съ подсолнухами *(ке́чĕ шу́до)*, я видѣлъ во всѣхъ сектантскихъ огородахъ *(пакча̀)*. Примирить такое явное противорѣчіе дѣйствительности съ завѣтомъ основателя секты крайне трудно; но такъ какъ дѣти сектантовъ до извѣстнаго возраста свободны отъ всѣхъ строгостей кугусортинскаго устава, то вѣрнѣе всего—какъ бы для нихъ разводятся эти овощи. Въ то же время взрослые, оправдывая себя грѣховностью и слабостью человѣческой природы, часто погрѣшаютъ, употребляя въ пищу овощи. Такимъ образомъ, не погрѣшая противъ завѣтовъ Якманова, сектанты могутъ употреблять въ пищу только капусту, баранину *(тага̀ шыл)* и говядину или коровье мясо *(ўшка̀л шыл)*.

49) *вина никакого не пьемъ.* Это совершенно вѣрно; даже кумышка, черемисская водка самосидка, совершенно устранена изъ домашняго и жертвеннаго обихода. Но такъ какъ человѣку трудно обойтись безъ возбуждающихъ напитковъ, то основатель секты оставилъ медовщину *(пурэ̀)*, которая, по своимъ опьяняющимъ свойствамъ, значительно сильнѣе водки и кумышки, но употребляется она въ малыхъ дозахъ и не чаще одного раза въ недѣлю, поэтому сектантовъ нужно считать людьми безусловно трезвыми. Число сектантовъ значительно бы возрасло, если бы Якмановъ не возбранялъ употребленіе водки; такъ какъ

отстать отъ водки очень трудно, то для многихъ, сочувствующихъ сектѣ, фактическое вступленіе въ послѣднюю затягивается на цѣлые годы. Я знаю семьи, женская половина которыхъ давно примкнула къ сектѣ, а взрослые мужчины, при всей симпатіи къ ней, не могутъ этого сдѣлать, не въ состояніи будучи отказаться отъ водки и табаку.

50) *чаю тоже.* Братья Якмановы и всѣ живущіе съ ними въ Царевококшайскѣ чаю дѣйствительно не пьютъ; но это—подвижники и люди не отъ міра сего. Остальная масса сектантовъ слишкомъ слаба, чтобы довести свою ѣду и питье до того минимума, который установилъ основатель секты. Легко себѣ представить, къ чему свелось бы питаніе черемисъ, если бы всѣ сектанты употребляли изъ овощей *только капусту* и не пили чаю! За послѣднія сорокъ лѣтъ употребленіе чая страшно возросло: черемисинъ, какъ и русскій, чаепитіемъ, вмѣсто завтрака, начинаетъ день, пьетъ чай съ хлѣбомъ вмѣсто обѣда и чаемъ же, вмѣсто ужина, заканчиваетъ. Отнять у него теперь чай, котораго черемисы не знали два поколѣнія тому назадъ, значитъ—обречь его на голоданіе. Поэтому чай остается напиткомъ допустимымъ у большинства кугусортинцевъ; онъ допускается наравнѣ съ употребленіемъ рыбы *(кол)*—„ради слабости человѣческой".

51) *табакъ не куримъ и не нюхаемъ.* Табакъ извѣстенъ нашимъ инородцамъ со второй половины XVII вѣка. Обыкновенно курятъ не только мужчины, но и женщины, а нюхаютъ главнымъ образомъ при болѣзняхъ глазъ и головы. Когда табаку нѣтъ, черемисы крошатъ, какъ крупку, старые прокуренные чубуки, мохъ или трутъ и курятъ. Особенно часто начинаетъ съ этихъ суррогатовъ свое куренье молодежь. Наряду съ запретомъ употреблять водку, устраненіе табаку *(томăк)* составляетъ самое тягостное лишеніе для черемисъ и для многихъ изъ нихъ, симпатизирующихъ сектѣ, является трудно-одолимымъ препятствіемъ.

52) *кровопролитія.* Якмановъ разумѣетъ, здѣсь кровавыя жертвы, начало которыхъ относится у черемисъ, какъ и у всѣхъ народовъ, ко временамъ отдаленнѣйшей древности, вѣрнѣе всего—ко временамъ кочевого быта. Появленіе земледѣлія не уничтожило кровавыхъ жертвъ, а только внесло въ жертвенный ритуалъ нѣкоторое дополненіе и разнообразіе. Со времени покоренія Казани (1552), духовенство сильно боролось съ кровавыми жертвами, и

то, чего не могли русскія власти уничтожить въ три съ половиною вѣка, братья Якмановы уничтожили въ нѣсколько лѣтъ... Это показываетъ, какъ сильно дѣйствуетъ новая вѣра на массу.

Кончая комментарій на кугусортинское исповѣданіе вѣры, не могу умолчать въ заключеніе, что возведенное Якмановымъ зданіе новой вѣры выглядитъ неуклюже, сложено изъ разнороднаго матеріала, кой-гдѣ какъ будто недостроено. Но это зданіе такъ крѣпко связано цементомъ глубокой вѣры, разведеннымъ на широкой любви къ человѣчеству, что оно обѣщаетъ быть долговѣчнымъ...

ГЛАВА III.

Географическій очеркъ родины новой вѣры. Экономическій бытъ, костюмъ и языкъ мѣстнаго населенія. Инородческіе приходы и духовенство. Обрусѣніе. Праздничная картинка. Новая вѣра послѣ Казанской выставки. Быстрое распространеніе секты. Отказъ духовенству въ ругѣ. Притѣсненіе сектантовъ. Административная ссылка въ Сибирь основателей секты. Житье въ Сибири: поденная работа, изготовленіе валенокъ и деревянной посуды. Моленія сектантовъ. Первыя извѣстія о нихъ въ сибирской печати. Манифестъ 14 мая 1906 г. и возвращеніе сектантовъ на родину. Выселеніе въ Царевококшайскъ. Какъ сектанты устроились на новомъ мѣстѣ. Отношеніе братьевъ Якмановыхъ къ сектантамъ.

Съ Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. переносемся теперь въ дебри родной для меня Вятской губ., именно въ тотъ Ю.-З. уголъ ея, гдѣ лежитъ Яранскій уѣздъ, сѣвернымъ краемъ соприкасающійся съ Варнавинскимъ у. Костромской губ. западнымъ—съ Макарьевскимъ у. Нижегородской губ., а южнымъ краемъ—съ Царевококшайскимъ у. Казанской губ. Край этотъ еще изобиленъ дарами природы: здѣсь довольно еще лѣсовъ, а обильныя водой рѣки и рѣчки текутъ по всѣмъ направленіямъ, входя въ составъ рѣчныхъ системъ Малой и Большой Кокшаги *(Изѝ Кокшѝ, Куѝ Кокшѝ)*, Кундыша и Рутки *(Рўдъ)*, впадающихъ въ Волгу. Въ рѣкахъ довольно рыбы, въ лѣсахъ еще водятся промысловые птицы и звѣри, а рѣчныя поймы даютъ много сѣна и доставляютъ возможность вести порядочное скотоводство. Близость огромныхъ лѣсныхъ площадей дастъ населенію возможность заниматься заготовкой лѣса, который сплавляется на Волгу. На-

селеніе здѣсь главнымъ образомъ черемисское, живущее въ достаткѣ, зачастую имѣющее запасныя кладухи хлѣба и не знающее еще земельнаго утѣсненія.

Это населеніе передвинулось сюда въ отдаленныя времена, во всякомъ случаѣ не позднѣе X, много XI вѣка по Р. Х., изъ древней Мерянской территоріи; здѣшній черемисскій языкъ занимаетъ средину между горночеремисскимъ и луговымъ нарѣчіемъ, образуя так. наз. яранскій говоръ. По костюму, главнымъ образомъ женскому головному убору (*сорока*), съ широкимъ лопатовиднымъ верхомъ, здѣшніе черемисы примыкаютъ къ черемисамъ царевококшайскимъ. Благодаря лопатовидной сорокѣ, русскіе называютъ „черемисской лопаткой“ не только женщину, но и мужчину черемисина.

Села встрѣчаются здѣсь довольно рѣдко; приходы поражаютъ своей величиной, а матеріальный бытъ мѣстнаго духовенства отличается полнымъ довольствомъ, не оставляя желать ничего лучшаго, не смотря на то, что приходы часто на $^9/_{10}$, а иногда и сплошь состоятъ изъ черемисъ. Язычество было сильно здѣсь еще во второй половинѣ минувшаго столѣтія, миссіонерская же дѣятельность была въ зачаточномъ состояніи. Въ этомъ краю сохранилось довольно много остатковъ древняго язычества, въ видѣ языческихъ рощей, и только нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Юманурская, жалкими остаткими которой любовался въ 1904 г. сп. Никонъ, уничтожены довольно варварскимъ способомъ.

Какъ и вездѣ, гдѣ внѣдрилось русское населеніе, черемисы находятся здѣсь въ разныхъ степеняхъ обрусѣнія; послѣднее всего больше сказалось въ крупныхъ селахъ. Тутъ встрѣчаются черемисы, порвавшіе уже всякую духовную связь съ своимъ племенемъ.

Въ селѣ праздникъ... Вотъ по широкой улицѣ двигается кучка черемисской молодежи: картузы на затылкѣ, сапоги со сборами. Впереди всѣхъ идетъ франтъ въ пиджакѣ, надѣтомъ поверхъ расшитой черемисской рубахи; это—сынъ мѣстнаго богатѣя-черемисина и церковнаго старосты. Нещадно растягивая свою гармошку, онъ орётъ во все горло модную частушку:

Кабы мать-та не „лопатка“,
Я бы русскую любилъ...

Но въ томъ-то и бѣда, что у этого молодца мать носитъ еще на

головѣ черемисскую сороку. Ну, а русская дѣвушка не соблазнится женихомъ изъ такой семьи.

Въ то же время гдѣ-нибудь на заваленкѣ сидитъ толпа молодежи обоего пола, одѣтая во все бѣлое, и негромко поетъ не то заунывную пѣсню, не то какой-то духовный стихъ.

Грѣшный мы, поддымный [1]) народъ...
Куда и на что̀ мы годимся?
Слабы мы стали во всемъ,
И на одного Великаго Бога-Создателя
Остается намъ надѣяться...

Что̀ это за странная пѣсня? почему раздается этотъ похоронный мотивъ въ праздничное время, когда все зоветъ молодежь къ веселью?

Причина будетъ понятна, если я скажу, что мы находимся въ селѣ *Ертуръ*, подлѣ котораго суждено было народиться новой черемисской вѣрѣ *кугу̀ сорта̀*.

Это поютъ сектанты...

Выставка предметовъ кугусортинскаго культа возбудила нѣкоторое вниманіе, а выставочный комитетъ присудилъ даже старшему Якманову почетный отзывъ. Вернувшись къ себѣ на родину съ такою важною бумагой, въ заголовкѣ которой стоялъ двухглавый орелъ. братья начали дѣйствовать нѣсколько смѣлѣе. И до выставки свѣтское и духовное начальство давно уже—цѣлыхъ десять лѣтъ—знало, что братья придумали какую-то новую вѣру, но такъ какъ они были люди трезвые, во всемъ исправные, то на нихъ и не обращали вниманія. Можетъ быть, все шло бы спокойно и дальше, да на бѣду секта успѣла сильно распространиться среди крещеныхъ черемисъ Юкшумской, Ихтіяльской, Великорѣченской, Ернурской и Кодамской волостей [2]); она укоренилась въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно же въ с. *Покровскомъ—Упша* (Спис. нас. м. № 16865) и въ трехъ селеніяхъ: *Керда* Яндушевская (№ 16869),

[1]) Т.-е. выросшій въ дыму курной избы (безъ трубы, съ глинобитной печью).

[2]) *Мошковъ* называетъ волости: Юкшанскую (такой нѣтъ), Великорѣченскую, Ернурскую и Кадамскую, а изъ селеній: дер. Упша, Большой Ершъ, Керду и несуществующую Яштуроду. Мы приводимъ №№ селеній по „Списку населенныхъ мѣстъ Вятской губ.“ Спб. 1876.

Большой Ерыкъ (черем. *Ӧрыкӧ* № 17209) и с. *Еркуръ* (№ 16949). На моленія въ рощѣ теперь стекалось уже отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ. Это начало вызывать вниманіе властей. Неожиданно нашлись довольно усердные приверженцы новой вѣры, которые наотрѣзъ отказались платить духовенству ругу и принимать его съ требами.

Это не былъ бунтъ противъ духовенства, хотя оно, по словамъ Якманова, „драло съ нихъ здорово“, и никому не было нанесено оскорбленія не только дѣйствіемъ, но и словомъ, потому что иначе не обошлось бы безъ суда. Былъ только рѣшительный отказъ отъ притязаній духовенства, и больше ничего. Но до сихъ поръ еще разсказываютъ, что будто одинъ изъ Якмановыхъ, получившій на выставкѣ похвальный листъ, вывѣсилъ его въ рамкѣ за стекломъ надъ воротами, а другой просверлилъ дырку въ полученной имъ серебряной медали (которой ему никто не давалъ), надѣлъ ее на шею, и оба, указывая на царскую награду за изобрѣтеніе новой вѣры, встрѣчали оглоблями всякое начальство, являвшееся къ нимъ. Но это—злостная сплетня, не больше.

Тѣмъ не менѣе дѣло было испорчено. Пошли доносы со стороны духовенства, и начались всевозможныя придирки. По настоянію вятскаго архіерея, губернаторъ предложилъ чрезъ земскаго начальника, чтобы сельское общество дало приговоръ объ административной высылкѣ братьевъ Якмановыхъ въ Сибирь, безъ всякаго суда. Дѣло долго не налаживалось, потому что односельчане Якмановыхъ ничего не имѣли противъ нихъ, ничего дурного за ними не обрѣталось, и даже самъ земскій начальникъ принялъ сторону братьевъ.

Началась довольно длинная канцелярская волокита, на цѣлыхъ два года. Вожаки были отданы подъ особый надзоръ, и къ каждому изъ нихъ приставленъ особый „опекунъ“, который слѣдилъ за всякимъ шагомъ сектанта: безъ разрѣшенія опекуна нельзя было никуда отлучиться изъ селенія, хотя бы на мельницу или на пчельникъ. Случалось и такъ, что нужно одному изъ Якмановыхъ ѣхать на мельницу, а опекунъ не пускаетъ: „ступай, говоритъ, на пчельникъ!“.

Кончилось все тѣмъ, что лѣтомъ 1893 г. братья Якмановы и съ ними еще шесть апостоловъ новой вѣры, согласно опредѣленію Вятскаго губернскаго присутствія, были высланы безъ суда

въ Сибирь на поселеніе: четверо (въ томъ числѣ оба брата Якмановы) попали въ Маріинскій округъ Томской губ., а другіе четверо—въ Ишимскій округъ Тобольской губ.

Братья безъ всякой злобы, совершенно благодушно разсказываютъ о своей ссылкѣ. Въ Сибирь пришли они въ самый разгаръ жатвы и въ качествѣ жнецовъ зашибли копейку. Когда страда окончилась и наступила длинная сибирская осень, то каждый принялся за то, что умѣлъ: двое катали валенки, одинъ дѣлалъ кадки и бочки, а четвертый точилъ на станкѣ деревянныя чашки. Всему этому былъ хорошій сбытъ, такъ какъ старожилы сибиряки производствомъ подобныхъ издѣлій занимаются очень рѣдко, а предпочитаютъ пріобрѣтать у новоселовъ; даже деревянныя ложки до конца 80-хъ годовъ привозились въ Сибирь изъ Вятки. Изготовленіе чашекъ оказалось самымъ прибыльнымъ дѣломъ, и понемногу всѣ обучились этому ремеслу. Черезъ годъ началась постройка Средне-Сибирской желѣзной дороги, и ссыльные сектанты нанялись поденщиками у подрядчика по земляной части, инженера *Бонди*. Поденщина была высокая, и трезвые сектанты заработали порядочныя деньги.

Положеніе братьевъ сдѣлалось теперь настолько сносно, что они возобновили свои моленія. Совершаемыя открыто, подъ сѣнью сибирскихъ березъ, моленія эти возбуждали вниманіе сибиряковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Обратилъ на нихъ вниманіе также жившій въ Маріинскѣ сотрудникъ газеты „Сибирскій Вѣстникъ“ (фактическимъ редакторомъ котораго состоялъ въ то время я)—*Угрюмовъ* и далъ объ нихъ, по моей просьбѣ, замѣтку для газеты, которую перепечаталъ потомъ въ „Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“; эта статья вызвала большія симпатіи къ ссыльнымъ братьямъ со стороны сибирской публики. Одно огорчало нашихъ ссыльныхъ, что въ послѣдній годъ ссылки умеръ ихъ товарищъ токарь, ревностный кугусортинецъ.

Въ 1896 г., по случаю коронаціи 14 мая, вышелъ манифестъ объ освобожденіи нѣкоторыхъ категорій административныхъ ссыльныхъ. Сектанты подали прошеніе томскому губернатору (теперь сенаторъ) Г. А. Тобизену и получили билетъ на свободное возвращеніе въ Россію, но безъ права проживать въ своемъ родномъ Яранскомъ уѣздѣ.

Вернулись ссыльные въ Вятскую губ. и прежде всего, конечно,

прямо съ пароходной пристани отправились домой, гдѣ оставались ихъ семьи, гдѣ у всѣхъ еще сохранялись избы и хозяйство, потому что имъ некуда было больше итти. Разойдясь по роднымъ селеніямъ, спокойно прожили сектанты въ кругу своихъ семей около двухъ мѣсяцевъ, принялись было уже устраивать домашнія моленія, но... узнало объ нихъ духовенство и донесло, куда слѣдуетъ. Пришлось высидѣть сектантамъ четыре дня подъ арестомъ, за переходъ заповѣдной границы, а потомъ этапнымъ порядкомъ препроводили ихъ въ сосѣдній городъ Царевококшайскъ, Казанской губ.

Попавши въ совсѣмъ неподходящую обстановку уѣзднаго города и не имѣя, гдѣ приклонить голову, сектанты поселились въ лачугѣ на окраинѣ города и кое-какъ перебивались нѣкоторое время. Не находя почти никакого заработка, упросили они мѣстнаго исправника, чтобы онъ позволилъ имъ жить въ дер. *Ошла-мучаки* (№ 2121) [1]) Арванской волости, Царевококшайскаго у.: это было и за предѣлами Яранскаго у., и всего въ какихъ-нибудь пяти верстахъ отъ родной деревушки братьевъ Якмановыхъ. Имъ разрѣшили; но не успѣли они прожить здѣсь и двухъ мѣсяцевъ, изрѣдка видаясь со своими родными, какъ ихъ потребовали въ волостное правленіе. Тамъ ожидалъ ихъ царевококшайскій исправникъ и объявилъ, что имъ слѣдуетъ опять переѣхать въ Царевококшайскъ, такъ какъ яранское духовенство не желаетъ, чтобы они жили такъ близко отъ своей родины. Сектанты вынуждены были окончательно переселиться въ Царевококшайскъ, и уже оттуда никуда больше не отлучались. Только одинъ изъ нихъ пытался было наниматься въ сторожа на мельницу въ дер. *Нужъялъ* (№ 2336, на р. Манагѣ) [2]), Арванской вол. Прожилъ онъ тутъ недѣли три. Вдругъ ночью пріѣхалъ какъ-то разъ урядникъ изъ Яранскаго у. на мельницу; узнавъ, что здѣсь живетъ бывшій ссыльный, онъ постучался къ нему, посмотрѣлъ на него, не говоря ни слова, и уѣхалъ. Скоро изъ Яранска пришла бумага въ Царевококшайскъ; сектанта вернули изъ Нужъяла и водворили вмѣстѣ съ другими.

---

[1]) А не *Ошлал Чакша*, какъ пишетъ Мошковъ. №№ приведенныя по „Списку насел. мѣстъ Казанск. губ". Спб. 1866.

[2]) Но не въ селѣ *Кужъялахъ*, какъ пишетъ Мошковъ.

Съ тѣхъ поръ кугусортинцы окончательно поселились: бывшіе въ ссылкѣ въ Маріинскомъ округѣ—въ Царевококшайскѣ, а ишимскіе ссыльные—въ ближайшей дер. Вараксинѣ, выписали своихъ женъ, семьи и зажили съ грѣхомъ пополамъ. На родинѣ имъ пришлось продать все за безцѣнокъ, а землю передать обществу безвозмездно и обратиться изъ людей зажиточныхъ въ бобылей, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора. Братья Якмановы, какъ болѣе зажиточные, завели въ городѣ небольшую бакалейную торговлю, но она шла очень плохо, и только въ базарные дни (два раза въ недѣлю) можно было кое-что выручить. Нужда заставила апостоловъ новой вѣры прибѣгать къ посторонниимъ заработкамъ: одинъ сдѣлался стекольщикомъ, другой нанялся въ ночные караульщики, а третій вьетъ веревки. Братья только въ послѣдніе годы стали выѣзжать на базары въ ближайшія селенія: Шой-булакъ, Пуялъ, Шапы, Апашево и село Ронгу.

Понемногу сектанты устроились въ Царевококшайскѣ. И жилось бы имъ тутъ совсѣмъ недурно, потому что мѣстное населеніе очень скоро оцѣнило ихъ, какъ людей честныхъ, трезвыхъ и работящихъ, хотя нерѣдко подшучиваетъ надъ ними, называя ихъ „бѣлыми голубями“; но бѣда въ томъ, что вплоть до 1905 г. (да вѣроятно и теперь еще) они нигдѣ не были приписаны, а жили по паспортамъ, получаемымъ изъ Сибири, которые для нихъ ежегодно выписываетъ мѣстный исправникъ.

Одно время сектанты пытались приписаться къ царевококшайскому мѣщанскому обществу. Все было налажено: городской голова изъявилъ согласіе, мѣщанскій староста тоже, и самъ исправникъ смотрѣлъ на это благосклонно, но... яранское духовенство написало по этому поводу куда слѣдуетъ, и ходатайство сектантовъ было отклонено. Приписка къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ также не удалась, потому что сектантамъ надо было отвести земельный надѣлъ, а въ землѣ не всегда встрѣчается избытокъ; кромѣ того нельзя было и думать о припискѣ къ какой-нибудь инородческой деревнѣ, потому что духовное начальство опасалось ихъ вліянія на единоплеменниковъ.

И живутъ сектанты совершенно особнякомъ, рѣдко сообщаясь со своими единоплеменниками; но сношенія все таки бываютъ, хотя руководить постоянно приверженцами своей секты братья Якмановы уже не могутъ; поэтому ихъ мѣсто болѣе или менѣе

давно заступили другіе вожаки: изъ нихъ одинъ живетъ близь с. *Ермуръ*, Яранскаго у., другой—около с. *Сермуръ*, Уржумскаго у., третій—около с. *Новый Торъялъ*. Но уваженіе къ братьямъ Якмановымъ замѣтно во всей обширной области распространенія секты *кугу сортà*.

Перейдемъ теперь къ кугусортинскому жертвенному ритуалу.

ГЛАВА IV.

Сектантство въ первые годы существованія. Внѣшнія и внутреннія реформы, произведенныя Якмановымъ въ старомъ язычествѣ. Новыя рощи (*куэрля*); береза и липа—священныя деревья. Истинный востокъ. Устройство жертвеннаго стола. Виды жертвъ; большая свѣча. Распорядитель моленія; его костюмъ. Группировка молящихся по поламъ. Живой огонь и жертвенный костеръ. Молитва въ три пріема. Сожиганіе жертвы Божеству. Жертвенная трапеза. Перечень важнѣйшихъ молевій сектантовъ.

Какъ я выше замѣтилъ, первоначально секта отправляла свои богослуженія совершенно открыто. Такъ какъ въ ту пору, съ 1880 г. вплоть до самой Казанской выставки, не было никакихъ преслѣдованій противъ сектантовъ, то они совершали свои моленія въ священныхъ рощахъ, по внѣшнему виду мало чѣмъ отличающихся отъ тѣхъ языческихъ „божьихъ рощей“ (*Юмӧн ӧтӧ*), гдѣ производились кровавыя жертвоприношенія. Но кугусортинцы тщательно избѣгали старыхъ языческихъ рощей, какъ осквернённыхъ; по ихъ мнѣнію, пролитіемъ жертвенной крови; они выбирали въ лѣсу новыя, „чистыя“ мѣста для своихъ жертвоприношеній, которыя огораживали высокой загородкой съ воротами. Посреди рощи устраивалась площадка (если только не находилось таковой въ натурѣ), съ такимъ расчетомъ, чтобы на востоко-юго-восточномъ краю этой площадки, т.-е. въ той сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце большую часть года—а эта сторона, по мнѣнію Якманова, и есть истинный *востокъ* (черем. *кéчӗ лэкмàш*)—находилось два дерева: береза (*куэ̀*) и липа (*пúстэ̄*). Только эти два дерева кугусортинцы считаютъ священными, способными привлекать Божество во время моленія, но береза ставится выше липы и посвящена самому Великому Богу, а липа—его женѣ.

Такія рощи получили новое названіе—*куэрлѝ* *). На моленія народъ собирался (да и теперь собирается, гдѣ это возможно) по звуку барабана, замѣняющаго колокольный звонъ. Передъ священными деревьями устраивается жертвенникъ, укрѣпленный на четырехъ березовыхъ столбахъ, съ частыми перекладинами (числомъ 7 или 9) изъ тонкихъ березокъ, поверхъ которыхъ густо накладываются березовыя вѣтки, а сверху все это накрывается пеньковой бѣлой скатертью. За жертвенникомъ сохранилось старое языческое названіе „престола" (*ша́гы*).

На жертвенникъ въ извѣстномъ порядкѣ полагаются два хлѣба—обыкновенный ржаной (*уржа̀ ги́ндӧ*) и овсяный на меду (*шобакша̀х*), медовая брага (*пурэ̀*), свѣжая медовая сыта (*шорба̀*), коровье масло (*шкал ӱ*), творожные сырчики (*туара̀*), овсяная каша (*немэ̀р*) и небольшія лепешки изъ ржаной муки (*шорба̀ ги́ндӗ*), заведенной на медовой сытѣ. Средину жертвенника занимаетъ восковой кругъ, въ центрѣ котораго поставлена восковая свѣча; толщина ея и вѣсъ зависятъ отъ усердія молящихся: чѣмъ больше богомольцевъ, тѣмъ болѣе жертвуется воску, и часто средняя „большая свѣча" даже на моленіяхъ Якманова въ Царевококшайскѣ достигаетъ $1^1/_2$ пудовъ вѣсу, а въ Уржумскомъ уѣздѣ—до трехъ пудовъ... Кругомъ „большой" свѣчи звѣздообразно ставятся еще восемь свѣчей меньшаго діаметра; всѣ свѣчи имѣютъ одинаковую длину—$9^1/_2$ вершковъ. Свѣчи ставятся не только отъ мужчинъ, но и отъ имени женщинъ, и черемиски очень цѣнятъ такое равноправіе съ мужчинами.

Всѣми распорядками на такихъ моленіяхъ завѣдуетъ глава сектантовъ въ данной мѣстности и наиболѣе почтенныя лица, избираемыя общиной; жреческій персоналъ располагается подлѣ жертвенника, при чемъ у старшаго на головѣ бѣлый холщевый колпакъ, а у остальныхъ—бѣлыя шляпы. Колпакъ этотъ замѣнилъ ту высокую остроконечную шапку, какую черемисскіе жрецы носили въ отдаленное время.

Хотя кугусортинскіе порядки вообще допускаютъ участіе на моленіяхъ женщинъ и имѣющихъ ребенка дѣвицъ, однако онѣ

*) Слово это несомнѣнно происходитъ отъ *куэ́*—береза, но со страннымъ суффиксомъ. Кромѣ *Юмӧн о́тӧ* подобныя рощи называются еще у язычниковъ *ку́с о́тӧ* (отъ *ку́сэ* моленіе)—„молебная роща".

стоятъ особнякомъ и не ближе, какъ въ девяти саженяхъ отъ священныхъ деревьевъ, а мужчины располагаются поближе—въ семи саженяхъ. Если площадка мала, то указанныя разстоянія измѣряются шагами.

На самой серединѣ поляны, между молящимися мужчинами и жертвенникомъ, при помощи живого огня разводится костеръ, непремѣнно изъ березовыхъ дровъ, и начинается моленіе, безъ всякаго предварительнаго гаданія (какъ у язычниковъ) о томъ, угодны ли Богу приносимыя жертвы. Стоя передъ жертвенникомъ и обративъ взоры на священныя деревья, старшій жрецъ начинаетъ молитву „Великому Богу Создателю“—*Кугу пӱйрше Юмӧлан*—и его женѣ—*Кугу пӱйрше Юмӧн авалан*. Молитва эта почти ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ молитвъ, читаемыхъ язычниками; но здѣсь слышатся своеобразныя вставки, заключающія въ себѣ моленіе за всѣхъ добрыхъ людей, принесеніе покаянія во грѣхахъ, молитву за Царя и все царское семейство, а также и за русское воинство. Въ послѣдней молитвѣ невольно сказался основатель секты, бывшій гвардеецъ.

Все моленіе распадается на три части; при первой молитвѣ жрецъ и его помощники указываютъ Божеству на приносимыя жертвы; при второй отгоняется Шайтанъ, при чемъ главный жрецъ машетъ саблей, а помощникъ цѣлится на западъ изъ ружья, угрожая враждебному духу; при третьей молитвѣ жрецы приподнимаютъ руками всѣ приносимыя жертвы по направленію къ священнымъ деревьямъ, прося Великаго Бога и его жену благосклонно принять эти жертвы, а затѣмъ становятся предъ жертвенникомъ съ воздѣтыми кверху руками, ладони коихъ приходятся вровень съ головой.

Послѣдняя просьба повторяется трижды; всѣ молящіеся, повторяя вполголоса слова молитвы, складываютъ руки крестообразно на груди и кланяются въ поясъ, какъ-бы молчаливо выжидая благосклоннаго отвѣта Божества, но не падаютъ съ распростертыми руками (крыжемъ) на землю, какъ язычники. Въ этотъ моментъ гусляръ начинаетъ брать тихіе, меланхолическіе аккорды на гусляхъ и этимъ, по словамъ кугусортинцевъ, „умягчаетъ душу молящихся“, располагая ихъ къ молитвенному настроенію.

Послѣ этого въ каждомъ жертвенномъ хлѣбѣ мѣднымъ ножемъ вырѣзается изъ середины по кусочку, точно также по кусочку

отдѣляется отъ всѣхъ остальныхъ жертвъ и складывается на чистое, совершенно новое липовое блюдо; въ другое блюдо отливается часть напитковъ. Сопровождаемый всѣми своими помощниками, жрецъ несетъ оба блюда на костеръ и осторожно ставитъ ихъ на самую середину.

Музыка все это время не прекращается. Всѣ молящіеся, сложивъ руки на груди, кланяются въ поясъ, и теперь каждый уже молится про себя, высказывая Великому Богу свои сокровенныя мольбы и желанія.

Когда блюда сгорятъ безъ остатка со всѣмъ содержимымъ, молящіеся поднимаютъ головы и принимаются за жертвенную трапезу; но при этомъ соблюдается строжайшій порядокъ: сначала подходятъ мужчины, потомъ женщины. Тѣ и другія получаютъ въ особую чашку внушительныхъ размѣровъ (*а́лдыр*) по частицѣ отъ всѣхъ жертвенныхъ яствъ, лежащихъ на престолѣ, а къ этому въ изобиліи добавляется еще изъ запасовъ, принесенныхъ вѣрующими богомольцами.

Главный жрецъ самъ черпаетъ разливательной ложкой освященные напитки—медъ и шорбу, и разливаетъ ихъ по ковшамъ, которые раздаются каждой группѣ богомольцевъ. Тѣ благоговѣйно пробуютъ, а потомъ выливаютъ въ принесенные съ собой бураки съ напитками, какъ бы освящая содержимое послѣднихъ.

Кугусортинскій жертвенный пиръ сильно отличается отъ подобнаго же пиршества остальныхъ черемисъ: здѣсь во всемъ царитъ умѣренность и полный порядокъ, и только немногіе хмелѣютъ отъ крѣпкой медовщины. По окончаніи трапезы, богомольцы расходятся по домамъ, а жрецы остаются въ рощѣ до тѣхъ поръ, пока костеръ не сгоритъ дотла и не погаснетъ послѣдняя искра.

Подобнаго рода многолюдныя моленія совершали кугусортинцы до начала гоненій, равно совершаютъ и теперь, если окажется возможнымъ, нѣсколько разъ въ годъ: a) въ концѣ Петрова поста (*сюрэ̀м*), b) около Ильина дня—начало жатвы, c) осенью, около половины сентября—конецъ жатвы, d) между Новымъ годомъ и Крещеньемъ (*шо́рŏк йол*), e) около нашей Пасхи (*кугу̀ ке́чĕ*) f) въ маѣ, передъ началомъ полевыхъ работъ (*анга̀ пайра̀м*), и всякій разъ на эти моленія собираются сотни приверженцевъ новой вѣры.

ГЛАВА V.

Новые вожаки секты. Кугусортинская мораль; подчиненіе волѣ Божіей; любовь къ ближнему. Вѣротерпимость. Трудъ—основа благосостоянія. Тяжкіе грѣхи: ложь, обманъ, зависть, убійство. Воздержаніе отъ употребленія въ пищу дикихъ звѣрей и птицъ, свинины и конины. Чистота тѣлесная и бѣлизна костюма. Сохраненіе вышивокъ на костюмѣ.

Послѣ ссылки въ Сибирь основателей секты, кугусортинцы растерялись и нѣкоторое время совсѣмъ не отправляли моленій въ жертвенныхъ рощахъ; эти моленія возобновились только послѣ 1896 года, когда основатели секты вернулись изъ ссылки. Но вскорѣ выяснилось, что за невозможностью проживать въ родныхъ краяхъ, они не могутъ руководить кугусортинцами; тогда во главѣ секты встали три черемисина, люди довольно зажиточные, безусловно трезвые и весьма почитаемые во всей округѣ. Глава яранскихъ кугусортинцевъ проживаетъ близъ с. *Ернуръ*, двое уржумскихъ—близъ с. *Сернура* и с. *Новаго Торъяла*.

Я познакомился довольно коротко съ однимъ изъ нихъ два года тому назадъ и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Представьте себѣ человѣка лѣтъ за 40, роста—выше средняго, съ выразительнымъ худощавымъ лицомъ и темнокарими горящими глазами. Крайне сдержанный, осторожный въ выраженіяхъ, Ермолай Епифановъ откровенно сознается, что онъ примкнулъ къ кугусортинцамъ только потому, что вѣра ихъ очень проста и требуетъ отъ человѣка прежде всего воздержанія, а въ христіанствѣ онъ мало свѣдущъ и отъ духовенства ничего хорошаго не видалъ. Его уже привлекали къ отвѣту за кощунство надъ Божіей Матерью и за попытку принести въ жертву человѣка; но такъ какъ обвиненіе это было чудовищно нелѣпо, то онъ легко оправдался. Изъ бесѣды съ нимъ я и выяснилъ себѣ основныя черты новой вѣры.

Кромѣ того двое надежныхъ лицъ изъ инородцевъ (учителя) по моему порученію посѣтили сектантовъ, проживающихъ въ Варакснинѣ, и братьевъ Якмановыхъ въ Царевококшайскѣ, которыхъ опросили по особой, выработанной мною программѣ.

Всего больше и точнѣе разработана у кугусортинцевъ внѣшняя сторона новаго культа; этическая сторона выработана также удовлетворительно и по сравненію съ языческою этикою пред-

ставляетъ значительный шагъ впередъ. Въ то время какъ всѣ правила старой языческой морали построены главнымъ образомъ на утилитаризмѣ, кугусортинцы фундаментомъ для себя ставятъ любовь къ человѣчеству и полное подчиненіе волѣ Верховнаго Бога, который самъ по себѣ есть совершенство. Найти внутреннюю связь между отдѣльными требованіями этой морали сектанты не могутъ, но гдѣ это возможно, они указываютъ на ихъ логическую связь между собою.

На первомъ планѣ у нашихъ сектантовъ стоитъ полная вѣротерпимость: всѣ вѣры, которыхъ счетомъ 77, равны между собой; всѣ люди братья, и если кому нужно помочь, они не спрашиваютъ, какой вѣры нуждающійся. Кугусортинцы не чуждаются общенія съ кѣмъ бы то ни было и даже ѣдятъ съ иновѣрцами изъ одной посуды, не видя въ этомъ осквернения. Честный трудъ, упорный и постоянный, считаютъ они единственною основой матеріальнаго благополучія.

Ложь и обманъ—самые большіе грѣхи. Въ этомъ отношеніи кугусортинцы стоятъ такъ высоко, что слову ихъ можно вполнѣ довѣряться. Чужого не слѣдуетъ не только отнимать, не только брать тайно или добывать путемъ обмана, но даже и желать зазорно.

Убить человѣка—большой грѣхъ; точно также безъ крайней надобности не слѣдуетъ убивать домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ, потому что нельзя вернуть имъ жизни, которая у нихъ отнимается. Тѣмъ не менѣе, уступая слабости человѣческой, кугусортинцы допускаютъ употребленіе въ пищу мяса коровъ и овецъ, куръ, гусей, утокъ; ѣдятъ и куриныя яйца: „потому", говорятъ кугусортинцы, что мы сами разводимъ и выкармливаемъ ихъ".

Рыбу они употребляютъ въ пищу, считая это на половину грѣхомъ, и почему-то убѣждены, что предки ихъ не употребляли рыбы. Всякаго рода дикихъ звѣрей и птицъ (медвѣдей, зайцевъ, бѣлокъ; тетеревей, рябчиковъ, дикихъ гусей и утокъ) въ пищу они не употребляютъ: „потому что это—звѣри и птицы вольные, не человѣкомъ выкормленные; а надъ чѣмъ мы не трудились, тѣмъ грѣшно и пользоваться".

Изъ домашнихъ животныхъ кугусортинцы совсѣмъ перестали разводить свиней и не употребляютъ въ пищу ихъ мяса: „такъ какъ свинья—животное грязное, ѣстъ всякую нечистоту и даже

падаль". Точно также они не употребляютъ въ пищу конину. Помимо этого нужно быть вообще умѣреннымъ и не позволять себѣ излишествъ ни въ питьѣ, ни въ ѣдѣ, а наканунѣ моленія воздерживаться даже отъ супружескихъ сношеній.

Чистота физическая у кугусортинцевъ играетъ довольно важную роль. Предъ моленіемъ нужно вымыться въ банѣ, надѣть чистое бѣлье и платье. Правда, такое же требованіе существуетъ и у остальныхъ черемисъ, но оно не проводится въ повседневной жизни, а у сектантовъ чистота и опрятность постоянно наблюдаются во всемъ домашнемъ обиходѣ. Многіе даже стараются выбѣлить внутренность своихъ избъ. Платье сектантовъ исключительно бѣлаго цвѣта, не въ подражаніе березѣ, какъ говорятъ остальные черемисы, но „потому, говорятъ кугусортинцы, что мы молимся свѣтлому Божеству, а не мрачному злому духу". Бѣлизна одежды проведена у нихъ очень строго: не только рубахи и кафтаны, шляпы, валенки и онучи, но даже полушубки у нихъ не дубленые, а бѣлые, и зимой по этому бѣлому костюму кугусортинца легко отличить въ массѣ остальныхъ черемисъ. Фабричныхъ издѣлій они не носятъ: „потому что намъ неизвѣстно, изъ чего они сдѣланы, кромѣ того предки наши избѣгали фабричныхъ издѣлій". Единственное въ этомъ родѣ исключеніе сдѣлано для вышивокъ всякаго рода на мужскихъ и женскихъ сорочкахъ и кафтанахъ, которыя кугусортинцы не только употребляютъ, но даже примѣняютъ для нихъ покупной шелкъ и цвѣтную бумагу, особенно для женскихъ головныхъ уборовъ, не ограничиваясь для этого цвѣтною шерстью домашняго производства.

Обратимся теперь къ критикѣ кугусортинскаго вѣроученія, безпристрастной, насколько это возможно.

ГЛАВА VI.

Критика кугусортинскаго вѣроученія. Вліяніе христіанства и древнеязыческаго преданія. Параллель Якманова съ Александромъ Тамшинерскимъ. Повѣшества Якманова. Покаяніе во грѣхахъ. Новый видъ жертвъ. Новости жертвенной обстановки: восковой кругъ, большая свѣча, липовый и березовый столы, деревянныя ружье и сабля, хлѣбъ и лепешки на медовой сытѣ, мѣдный ножъ. Якмановъ дѣйствуетъ безъ откровенія свыше. Древнее язычество не знало ничего подобнаго. Элементъ выдумки въ новой вѣрѣ. Дѣтская аргументація повѣшествъ.

Отсутствіе сектантской пропаганды. Обычныя признаки появленія секты. Мѣстныя условія. Ошибка властей въ способахъ борьбы съ сектой. Натяжки въ этомъ дѣлѣ. Несправедливая ссылка сектантовъ. Невѣрный взглядъ на секту, какъ на особый видъ религіозно-политическаго сепаратизма. Послѣдняя попытка еп. Никона уничтожить секту. Обращеніе его къ казанскому архіеп. Димитрію. Новое изслѣдованіе сектантства. Благопріятный отзывъ г. *Коблова*. Болѣе ранній отзывъ г. *Мошкова*.

Обзоръ этической стороны новой вѣры убѣждаетъ насъ какъ нельзя лучше, что вѣроученіе кугусортинцевъ въ значительной мѣрѣ, но не исключительно, сложилось подъ вліяніемъ христіанства. Хотя Якмановъ говоритъ, что онъ только возстановилъ вѣру старыхъ черемисъ, т.-е. настоящихъ *чи марій*—„истинныхъ марій“, но это несовсѣмъ вѣрно. Онъ привнесъ въ свою вѣру много такого, чего совсѣмъ не знаютъ черемисы язычники, придерживающіеся стараго порядка кровавыхъ жертвоприношеній; а сторонники послѣднихъ точно также настаиваютъ на томъ, что они соблюдаютъ древнія преданія и жертвенные пріемы. Въ этомъ отношеніи попытки Александра Тамшинерскаго реставрировать черемисское язычество въ его древнемъ обликѣ имѣютъ подъ собой далеко болѣе твердую почву: онъ ничего не придумалъ, а только возстановилъ то, что вышло изъ обрядоваго употребленія, но еще сохранилось въ той или иной формѣ въ народной памяти. Оттого такъ быстро сказалось вліяніе Александра, и произведенное имъ возобновленіе старины можно видѣть на всей черемисской территоріи въ бо́льшей или меньшей степени однообразія.

Иначе обстоитъ дѣло у Якманова. У Якманова такъ много новаго и въ понятіи о Божествѣ, и въ ритуалѣ, и въ жертвенной обстановкѣ, что невольно напрашивается вопросъ: откуда онъ взялъ это? Если мы допустимъ, что въ кугусортинскомъ ученіи о Великомъ

единомъ Богѣ возродилось древнее вѣрованіе въ единаго Бога, утраченное человѣчествомъ на зарѣ своего бытія, какъ учатъ насъ христіанскіе богословы, то по отношенію къ Якманову такое духовное возрожденіе прямо немыслимо. Остается, за отсутствіемъ иныхъ источниковъ, допустить заимствованіе изъ христіанства; отсюда же взято и пониманіе Божества, какъ Существа всемогущаго, безконечно добраго.

Кугусортинскій религіозный обрядъ есть видоизмѣненное сокращеніе обычнаго ритуала кровавыхъ жертвоприношеній. Изъ массы отдѣльныхъ молитвъ, обращенныхъ къ сонму спеціальныхъ божествъ, основатели секты составили одну, объемлющую всѣ нужды черемисъ, духовныя и матеріальныя; эту молитву адресуютъ они Великому Богу-создателю и его женѣ въ три пріема, какъ и прочіе язычники. Но въ средней (второй) молитвѣ есть вставка, представляющая покаяніе молящихся во грѣхахъ, и особая вставка о Царѣ, его воинствѣ и о всѣхъ добрыхъ людяхъ. Эти вставки навѣяны уже христіанствомъ, потому что древнее язычество не знало покаянія во грѣхахъ, не знало и молитвъ за всѣхъ добрыхъ людей. Заимствованіе тутъ—внѣ всякаго сомнѣнія.

Другое дѣло—новый видъ жертвъ и особый колоритъ всей жертвенной обстановки: все это явилось внезапно и было невѣдомо черемисской массѣ. Правда, теперешній ближайшій сотрудникъ Якманова—Иванъ Ивановъ, говоритъ, что кугусортинская вѣра существуетъ уже пятое поколѣніе, т.-е. свыше 100 лѣтъ, но это едва-ли справедливо, потому что всѣ остальные сектанты, даже самъ Якмановъ, молчатъ объ этомъ фактѣ, а онъ не могъ бы остаться незамѣченнымъ со стороны черемисъ. Я могу только допустить, что слишкомъ сто лѣтъ назадъ, подъ вліяніемъ христіанской проповѣди, могло зародиться въ Ярапскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ возникновенія секты и среди самихъ черемисъ, мнѣніе о безполезности кровавыхъ жертвъ, но не больше. Если бы кугусортинская вѣра существовала такъ давно, то жертвенные ея порядки не поражали бы черемисъ на первыхъ порахъ; но извѣстно, что вначалѣ черемисы потѣшались надъ новоявленною „старой вѣрой“, въ которой все казалось имъ необычно и дико, и вниманіе ихъ остановилось только на громадныхъ размѣровъ восковой свѣчѣ, почему новая вѣра получила отъ нихъ въ насмѣшку названіе „большой свѣчи“ *(куў сорта)*, которое такъ и

осталось за ней, вмѣсто даннаго Якмановымъ названія „древне-черемисско-языческой вѣры“ (*то́штŏ чи марѝ вера̀*).

Для рядовыхъ черемисъ однако не все было ново въ кугусортинской вѣрѣ, что́ касалось внѣшней обстановки моленій: они знали и сами добывали живой огонь, употребляли восковыя свѣчи; ленгежи (бураки), разливательная ложка, ковши, гусли—все это хорошо было имъ знакомо. Но они съ изумленіемъ смотрѣли на восковой кругъ внушительныхъ размѣровъ, на липовый и березовый столы, на деревянное ружье и саблю; не столько возбуждалъ ихъ вниманіе овсяный хлѣбъ на медовой сытѣ, сколько мѣдный ножъ. До сихъ поръ никто изъ посѣщавшихъ Якманова не догадался спросить, откуда взялъ онъ все это? Сторонники кровавыхъ жертвъ отгоняютъ Шайтана по древнему способу—головешкой и ударами ножа по топору; основатели секты ввели ружье и саблю, но деревянныя, а не металлическія, потому что изгнали все металлическое изъ жертвеннаго обихода. Но такъ какъ деревяннымъ ножемъ хлѣба отрѣзать нельзя, то введенъ мѣдный. Несомнѣнно, что въ глубокой древности черемисы знали мѣдь и бронзу, какъ единственный металлъ, а еще раньше знали кремень, какъ рѣжущее орудіе, но память черемисская не могла объ этомъ сохранить воспоминанія. Повидимому, на примѣненіе мѣди натолкнула основателей случайная находка на поляхъ мѣднаго или бронзоваго ножа, а такія находки въ предѣлахъ Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ не составляютъ рѣдкости.

Возстановляя саблю и ружье, какъ якобы принадлежность древняго культа черемисъ, Якмановъ не могъ взять ихъ изъ народныхъ преданій, потому что таковыхъ нѣтъ; черемисы помнятъ только копье (*у́мдŏ*), мечъ (*ке́рдо́*) да лукъ (*йонгэ̀ж*) со стрѣлами (*пикш*), а съ ружьемъ (*пу̀ча̀л*) познакомились они уже въ эпоху русскаго владычества, когда увидали „пищали“. Допустимъ, что „древніе черемисы“ знали ружье, употребляли его. При чемъ же тутъ холщевая обшивка, которая примѣнена даже къ саблѣ? Развѣ, благодаря холсту, ружье и сабля дѣлаются болѣе страшными для Шайтана? Или, быть можетъ, Шайтанъ не догадается, что ему грозятъ не настоящимъ ружьемъ и саблей, коль скоро они обшиты холстомъ? Все это до крайности забавно и ни на какомъ преданіи не основано. Но Якмановъ не опирается въ данномъ случаѣ и на откровеніе свыше, которое истинно вѣрующимъ чере-

мисамъ Божество дѣлаетъ иногда во время сна. Такъ было съ Александромъ Тамшинерскимъ, видѣвшимъ во снѣ Великаго Юму въ благолѣпномъ бѣломъ одѣяніи и съ серебрянымъ посохомъ въ рукахъ. Якмановъ не дѣлаетъ ссылки на подобное откровеніе, а говоритъ только, что все введенное имъ въ ритуалъ и жертвенную обстановку сектанты заимствовали „отъ отцовъ своихъ".

Такое утвержденіе несправедливо. Среди огромной массы сторонниковъ кровавыхъ жертвъ очень много черемисъ, глубоко и искренно вѣрующихъ, бережно сохраняющихъ всѣ остатки старины, и однако они ни о чемъ подобномъ не слыхали отъ своихъ отцовъ. Замѣчательно, что эти послѣдніе мирятся со многимъ въ новой вѣрѣ, но имъ смѣшны кажутся обшитые холстомъ сабля, ружье и мѣдный ножъ, непонятно устраненіе кровавыхъ жертвъ и слишкомъ строгимъ представляется воздержаніе отъ табаку, чаю и особенно—водки. Общаго характера кугусортинской вѣры сторонники кровавыхъ жертвъ однако не осуждаютъ и не интригуютъ противъ сектантовъ, а только иногда вышучиваютъ отмѣченныя новшества, которыя, по ихъ мнѣнію, *выдуманы* основателями секты, но не возстановлены на основаніи древнихъ преданій, а тѣмъ болѣе—откровенія.

Эта сторона кугусортинской вѣры, именно—элементъ изобрѣтательности, выдумки, не основанной на древне-языческихъ преданіяхъ, не опирающейся (хотя бы изъ приличія) на откровеніи, составляетъ самое слабое ея мѣсто. Это—ни больше, ни меньше, какъ обманъ, то, что въ старомъ католичествѣ носитъ названіе *pia fraus*—благочестивый обманъ. Этотъ невинный по существу своему обманъ обычно прикрывается у сектантовъ ссылкой „на отцовъ нашихъ", отъ которыхъ они его унаслѣдовали. И ссылка эта дѣлается столь благодушно, съ такимъ невиннымъ видомъ, что обезоруживаетъ бесѣдующаго съ кугусортинцами, и тотъ поневолѣ мирится съ подобнымъ, чисто дѣтскимъ доводомъ. Однако внѣ сомнѣнія, что нельзя унаслѣдовать того, чего наслѣдодатель не оставилъ послѣ себя; ссылка сектантовъ на „предковъ", на „отцовъ" не выдерживаетъ, стало быть, ни малѣйшей критики.

Но такъ какъ народная масса, особенно женщины, неспособны углубляться въ эти подробности, то преніи о вѣрѣ среди черемисъ представляютъ рѣдчайшее явленіе. Даже стоящіе во главѣ язычества жрецы не всегда вдумываются во всѣ подробности но-

вой вѣры, и только изъ бесѣды съ посторонним лицомъ начинаютъ уяснять себѣ суть дѣла.

Характерная особенность новой вѣры—отсутствіе пропаганды. Сектанты никого не убѣждаютъ, никого не завлекаютъ, однако число кугусортинцевъ замѣтно растетъ. Духовенство съ нѣкоторымъ чувствомъ растерянности замѣчаетъ въ своемъ приходѣ появленіе секты. Никакихъ грозныхъ признаковъ нѣтъ, ничто не указываетъ на появленіе въ народѣ волненій, но въ воздухѣ прихода чувствуется что-то новое, а это и страшно... Духовенство недоумѣваетъ: среди прихода тамъ и сямъ замѣчаются тихіе разговоры, поведеніе населенія въ праздничное время становится благопристойнѣе, всѣ начинаютъ выглядѣть опрятнѣе, но что всего непонятнѣе—прекращается пьянство, а съ нимъ исчезаетъ и многоэтажная ругань. Какъ-будто что-то неладно...

Я былъ въ гостяхъ у одного батюшки, зашелъ къ нему послѣ обѣдни выпить чаю. На большой базарной площади, прямо противъ дома священника, собрались двѣ группы черемисъ: трое или четверо одѣты во все бѣлое, а около—цѣлая толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, среди которыхъ черные сапоги и черные картузы рѣзко выдѣлялись на фонѣ бѣлыхъ рубашекъ. Обѣ группы оживленно бесѣдовали, и видимо—внимательно прислушивались другъ къ другу. Смотрю я въ окно и говорю:

— „А у васъ, о. Петръ, кажется въ селѣ появились ужъ кугусортинцы?“

— Какъ, гдѣ, когда? Что вы говорите? Ради Бога!.. Да можетъ ли быть?

Батюшка порывисто вскочилъ со стула и началъ бѣгать по залу. Одна вѣроятность появленія секты въ самомъ селѣ приводила его въ крайнее волненіе.

А волненіе это будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе мѣстныя условія. Неопровержимый фактъ, что секта растетъ, налицо. Предписаніе за предписаніемъ летитъ къ сельскому духовенству. Прежде оно знало, что нужно бороться съ язычествомъ, выражавшимся въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Это—врагъ христіанства старый, въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе знакомый, хотя—по совѣсти—знакомый довольно плохо. А кугу сорта? Что такое эта секта? Чего она хочетъ? Во что и какъ вѣруетъ? Почему черемисы ей симпатизируютъ?

И сельскіе батюшки съ ужасомъ видятъ, что имъ приходится теперь быть во всеоружіи на два фронта, при чемъ съ одной стороны грозитъ имъ врагъ совершено новый, совсѣмъ невѣдомый. Какъ съ нимъ бороться, съ чего начинать? Съ чего?

Въ этомъ-то именно весь вопросъ! Нуженъ исходный пунктъ, нужна опора въ борьбѣ съ новымъ ученіемъ. Но высшее духовное и свѣтское начальство испортило дѣло на самыхъ первыхъ порахъ. Когда основатели нимало не таились, совершали свои моленія вполнѣ открыто, ученіемъ сектантовъ по существу *никто* не заинтересовался. Первоначальное обвиненіе противъ кугусортинцевъ возникло по жалобѣ мѣстнаго духовенства на неплатежъ руги. Крупная ошибка властей заключается въ томъ, что онѣ захотѣли похерить секту административнымъ путемъ, безъ гласнаго суда. Нужны были вопіющія натяжки, чтобы могла состояться административная высылка основателей секты. Гласное разбирательство выяснило бы сущность ученія сектантовъ, его возвышенный характеръ и полную безвредность секты въ общественномъ смыслѣ. Но несомнѣнно также, что сектантовъ оправдали бы, и самое большее—присудили бы крещеныхъ къ церковному покаянію. Властямъ же хотѣлось вырвать секту съ корнемъ, почему вожаки были обвинены „въ основаніи новой вѣры, отличающейся противообщественнымъ характеромъ, крайне вредной какъ для христіанства, такъ и въ государственномъ отношеніи". Таково было опредѣленіе Вятскаго губернскаго присутствія, на основаніи коего сектанты вырваны изъ родной среды и отправлены въ ссылку.

Точка зрѣнія на секту, какъ ученіе крайне зловредное, стремящееся вырвать черемисъ изъ-подъ русской опеки и обособить въ отдѣльное политическое цѣлое, съ особымъ языкомъ, вѣрою и обычаями, сложилась у вятской епархіальной власти вскорѣ послѣ Казанской выставки—въ 1891 г., сложилась безъ всякихъ фактовъ, на почвѣ чисто канцелярской реторики. Все время секта разсматривалась съ этой точки зрѣнія, т.-е. совершенно неправильно, и это искусственное освѣщеніе вредило ея изученію. Сектантъ-кугусортинецъ еще донынѣ рисуется въ глазахъ властей, какъ политическій сепаратистъ, пожалуй—какъ соціалистъ на почвѣ вѣры. Самое ученіе сектантовъ игнорировалось, а вмѣсто изученія новой вѣры производилось только полицейское наблюденіе.

Епископъ вятскій *Никонъ*, столь трагически погибшій позднѣе въ санѣ экзарха Грузіи, держался, какъ и его предшественникъ, еп. *Алексій*, такого именно воззрѣнія на секту. Послѣ объѣзда Вятской епархіи въ 1904 г., о которомъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ, собираясь покинуть вятскую паству, преосвященный Никонъ казался очень озабоченъ ростомъ новой черемисской вѣры; его крайне безпокоило, что основатели секты—братья Якмановы—живутъ такъ близко отъ предѣловъ Вятской епархіи и отъ своей родины. Ему хотѣлось если не уничтожить совсѣмъ это гнѣздо, то по крайней мѣрѣ сдѣлать безвреднымъ.

Съ этой цѣлью 9 ноября 1904 г. за № 6671 обратился онъ къ *Димитрію*, архіепископу казанскому, съ отношеніемъ на счетъ секты кугу̀ сорта̀, вредной въ религіозномъ и общественномъ смыслѣ.

„Вятскимъ епархіальнымъ начальствомъ, пишетъ онъ, въ 1891 г. и Вятскимъ губернскимъ присутствіемъ въ 1893 г. черемисская секта кугу-сорта названа противообщественною и, какъ таковая, признана вредною по ея явной цѣли отреченія отъ христіанства (,) въ видахъ разъединенія черемисъ отъ русскихъ и возвращенія ихъ къ какой-то древней до-христіанской жизни, съ удержаніемъ черемисскаго языка, особенностей быта и обычаевъ. Кугусортинцы, по возвращеніи изъ Сибири, поселившись невдалекѣ отъ своей родины (,) одни въ г. Царевококшайскѣ, а другіе въ деревнѣ Варакснинѣ (,) возобновили сношенія съ ихъ родственниками и другими черемисами ближайшихъ къ нимъ приходовъ Вятской губ. Вслѣдствіе этого секта кугу-сорта, заглохшая было послѣ выселенія ея главныхъ приверженцевъ въ Сибирь, снова стала оживать и вредно вліять на православныхъ черемисъ Вятской епархіи".

Такимъ образомъ, по смыслу этого отношенія, главные виновники оживленія секты въ Вятской епархіи суть кугусортинцы, проживающіе въ г. Царевококшайскѣ и въ дер. Варакснинѣ. Усматривая очагъ заразы за предѣлами своей епархіи, преосвященный Никонъ просилъ архіепископа Димитрія „оказать содѣйствіе къ ослабленію и искорененію секты кугу-сорта, главнымъ образомъ чрезъ вразумленіе руководителей и пропагандистовъ ея, проживающихъ въ предѣлахъ Казанской епархіи".

Хотя епископъ Никонъ крѣпко ошибался, отрицая существованіе въ предѣлахъ Вятской епархіи вожаковъ секты (которыхъ

тамъ трос) и видя очагъ заразы въ чужой епархіи, но покойный архіеп. Димитрій исполнилъ его желаніе, и уже 16 ноября поручилъ епархіальному катехизатору Я. Коблову произвести наблюденіе и дать свой отзывъ о сектѣ кугу сорта; результатомъ этого наблюденія явился трудъ *Коблова* „Черемисская секта кугу-сорта. Этнографическій очеркъ изъ жизни черемисъ“ [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, въ ученіи сектантовъ не оказалось ничего опаснаго для государства, не добыто также доказательствъ о пропагандѣ новой вѣры среди черемисъ; напротивъ, г. Кобловъ констатируетъ „общительность, добродушіе и простоту“ сектантовъ, а эти качества ихъ „говорятъ за то, что ихъ нельзя признать людьми противообщественными, вредными, завлекающими въ сѣть своего лжеученія многихъ другихъ“ (стр. 22). „Въ кугусортинцахъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: я думалъ встрѣтить рьяныхъ фанатиковъ, подозрительныхъ и злыхъ, на подобіе отступниковъ отъ христіанства изъ крещеныхъ татаръ. А въ дѣйствительности это—привѣтливые люди, которые при первомъ же своемъ знакомствѣ раскрыли всю свою душу, разсказали подробно о своихъ вѣрованіяхъ и о своихъ злоключеніяхъ въ далекой Сибири. Никакого подозрѣнія они къ себѣ не внушаютъ. Настолько они наивны, просты и добродушны въ своихъ разсказахъ, по своему отношенію къ людямъ и по своей довѣрчивости“ (стр. 20).

Столь же лестный отзывъ дастъ о кугусортинцахъ г. *Могиковъ* посѣтившій ихъ въ 1901 г. [2]). „Въ общемъ кугусортинцы произвели на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своей незлобивостью и простодушіемъ. Лицъ, изъ-за которыхъ имъ пришлось пострадать, ни одинъ изъ нихъ ни разу не побранилъ, а о несчастіяхъ своихъ они разсказывали такъ, какъ-будто виновниками ихъ были не люди, а какія-то непреоборимыя силы природы, вродѣ пожара, наводненія или землетрясенія“.

„Что касается, говоритъ онъ далѣе: высокой нравственности царевококшайскихъ кугусортинцевъ, то оспаривать ее нѣтъ никакого

[1]) Напечатанъ въ „Правосл. Собесѣдникѣ“ 1905 г. и отдѣльно (Казань 1905 25 стр. 8°). Отсюда мы заимствуемъ текстъ отношенія еп. Никона къ архіеп. Димитрію.

[2]) *Книжки Нивы* за 1901 г., май. Стр. 101—102.

основанія... Можно думать, что этой нравственной чистотѣ вожаковъ секты нужно приписать и успѣхъ ея среди темной черемисской массы въ Ярапскомъ уѣздѣ".

Итакъ, кугусортинской пропаганды не существуетъ, сами сектанты—благодушные люди, вполнѣ примиряющіеся съ существующимъ государственнымъ строемъ, ведущіе жизнь, полную строгаго воздержанія, глубоко вѣрующіе, никого въ сѣти своего ученія не завлекающіе.

Но секта растетъ; стало быть, есть же въ ней нѣчто такое, что̀ влечетъ къ ней черемисъ и безъ пропаганды...

ГЛАВА VII.

Причины успѣшнаго распространенія секты, не ведущей пропаганды: 1) дороговизна кровавыхъ жертвъ; 2) дешевизна частыхъ молепій сектантовъ; 3) участіе женщины въ молепіяхъ и ея вліяніе на прозелитизмъ; 4) частое поминовеніе умершихъ; 5) устраненіе Кереметя; 6) ореолъ, окружающій основателя секты. Образъ жизни и поведеніе сектантовъ. Внѣшній обликъ сектанта. Распространеніе секты въ послѣднее время. Бесѣды сектантовъ со сторонниками кровавыхъ жертвъ. Поведеніе прозелитовъ секты.

Въ чемъ же кроется привлекательность этой секты для черемисъ, до того сильная, что они подчиняются довольно суровымъ требованіямъ кугусортинской морали и порываютъ связь съ язычествомъ многобожія и кровавыхъ жертвъ?

Причинъ подобнаго явленія нѣсколько, и изъ нихъ самая главная—чисто *экономическая*: старое язычество очень убыточно для религіознаго черемисина. Жертва должна покупаться безъ торга, высокою цѣной, которая распредѣляется между всѣми молящимися поровну; кромѣ того каждый долженъ доставить (по развесткѣ) муки, крупы, меду, солоду и кумышки; самыя жертвоприношенія въ рощахъ затруднительны и дороги, благодаря тому, что многіе урядники и стражники уже давно сдѣлали себѣ изъ нихъ доходную статью, облагая каждый жертвенный костеръ „акцизомъ" (какъ они называютъ) по 3 руб. При этихъ условіяхъ многолюдныя моленія могутъ совершаться лишь въ рѣдкихъ, особо благопріятныхъ случаяхъ, и такимъ образомъ религіозное чувство черемисъ не имѣетъ для себя надлежащаго выхода, тѣмъ

болѣе, что въ большинствѣ храмовъ въ черемисскихъ приходахъ богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ, непонятномъ даже для русскихъ.

Между тѣмъ у кугусортинцевъ моленія совершаются каждую пятницу и стоятъ очень дешево, сравнительно съ кровавыми жертвоприношеніями. Если средства бѣднаго кугусортинца не позволяютъ ему принести посильную жертву въ видѣ масла, браги, воска и зернового хлѣба, онъ можетъ это отложить до будущаго и невозбранно молиться вмѣстѣ съ другими, равно и вкушать отъ жертвенной трапезы, что̀ невозможно у язычествующихъ.

Вторая причина—участіе черемисской женщины въ дѣлѣ вѣры: вмѣстѣ съ другими черемисками она—полноправный членъ новой религіозной общины. Вѣчно заваленная работой, черемиска прежде даже молиться въ рощѣ не могла вмѣстѣ съ мужчинами и обыкновенно только стояла подлѣ ограды священной рощи; исключеніе дѣлалось для бездѣтныхъ, приходящихъ для жертвоприношенія Великой богинѣ дѣторожденія—*Кугу шочшӱн ава*. Теперь она невозбранно является на моленіе. Кромѣ того она знаетъ, что мужъ ея теперь не будетъ пьянствовать, не будетъ колотить ея и дѣтей; знаетъ, что онъ долженъ быть постоянно въ работѣ, какъ того требуетъ новая вѣра. При этихъ условіяхъ легче идетъ воспитаніе дѣтей и въ домѣ рѣже сказывается острая нужда. Не входя въ разныя тонкости новой вѣры, черемиска всего выше цѣнитъ то, что ея мужъ не будетъ разоряться на монопольку, не будетъ вносить крупной иногда доли на кровавыя жертвы. И нѣтъ у кугусортинцевъ никого усерднѣе женщинъ!.. Обращеніе семьи въ новую вѣру всегда почти начинается съ женщины; домохозяинъ примыкаетъ часто послѣднимъ, потому что ему трудно разстаться съ водкой, табакомъ, чаемъ... Самый пріемъ въ секту совершается послѣ того, какъ прозелитъ докажетъ силу своей воли продолжительнымъ воздержаніемъ, длящимся не менѣе года.

Третья причина: частое поминовеніе умершихъ—каждую пятницу. Для воспитаннаго на культѣ предковъ черемисина это—столь великое дѣло, что мы даже не въ состояніи оцѣнить этого. У остальныхъ черемисъ поминки вызываютъ большой расходъ и много хлопотъ, а у сектантовъ все такъ просто и неубыточно... Правда, сектанты не угощаютъ покойниковъ, не просятъ ихъ попить, поѣсть, поплясать на поминкахъ, но за то молятъ Вели-

каго Бога, чтобы онъ далъ имъ возможность быть въ черемисскомъ раю—„ходить при солнечномъ свѣтѣ“, а главное—чтобы простилъ ихъ земные грѣхи, которые мѣшаютъ имъ удостоиться этого высокаго счастья. И этого для массы довольно: она видитъ и слышитъ, что предки кугусортинцевъ вполнѣ довольны новымъ видомъ поминокъ, не пристаютъ къ живымъ съ разными требованіями и не жалуются на плохое житье въ загробномъ мірѣ.

Изъ остальныхъ причинъ можно указать на ту, что Кереметь, къ общему удивленію черемисъ, не трогаетъ кугусортинцевъ, хотя они ничѣмъ его не ублажаютъ, мало того—не признаютъ его за грозную силу. И тѣмъ не менѣе Кереметь оставляетъ ихъ въ покоѣ, потому что они въ него *не вѣрятъ*.

Чтобы взвѣсить значеніе этого факта, по достоинству оцѣнить его, нужно знать черемисскую дѣйствительность. Относя всякія бѣдствія, неудачи на счетъ Кереметя, черемисинъ видитъ роковое вліяніе его во всемъ, что̀ выражается въ видѣ разныхъ недочетовъ въ его хозяйствѣ, въ семейныхъ раздорахъ, въ упорныхъ болѣзняхъ и даже въ крайне угнетенномъ состояніи духа, оканчивающемся мрачной меланхоліей; натуры активныя кончаютъ подъ вліяніемъ меланхоліи самоубійствомъ, болѣе слабыя—медленно угасаютъ. Это—совершенно особый видъ тяжкаго нервнаго страданія, вызваннаго житейскими неудачами, которое старые врачи (30-хъ и 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія) назвали *кереметкой*. Такое страданіе они замѣчали также у вотяковъ и чувашъ, и по этому вопросу имѣется даже небольшая литература. У кугусортинцевъ нѣтъ ничего подобнаго, и это невольно обращаетъ на себя вниманіе черемисъ.

Наконецъ, прибавьте къ этому тотъ ореолъ, который окружаетъ основателей секты, перенесшихъ ссылку въ Сибирь, подвергавшихся столькимъ гоненіямъ и донынѣ состоящихъ подъ неусыпнымъ надзоромъ, но твердо держащихся своей вѣры... Одно это производитъ на черемисъ сильное обаяніе, не говоря о благолѣпіи сектантскаго богослуженія, совершаемаго при яркомъ освѣщеніи и съ бо́льшимъ соблюденіемъ порядка, чѣмъ обычныя языческія моленія.

Вліяніе на массу всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ настолько сильно, что кугусортинцамъ совсѣмъ нѣтъ нужды заниматься пропагандой своего ученія. Самое большее, что они только от-

вѣчаютъ на задаваемые имъ вопросы, но состязательныхъ бесѣдъ и споровъ, уговариваній или чего-нибудь подобнаго они никогда не примѣняютъ. Ежедневный образъ ихъ жизни и поведенія и, какъ результатъ этого—подъемъ благосостоянія—всего лучше убѣждаютъ окружающихъ. Большинство черемисъ сознаетъ, что главною причиной благосостоянія сектантовъ и ихъ благодушія, ихъ нравственнаго обаянія служитъ не столько обрядовая внѣшность, сколько то, что они ведутъ очень воздержную, близкую къ подвижничеству жизнь, избѣгаютъ праздности и всегда заняты трудомъ; и только меньшинство черемисъ все благополучіе сектантовъ объясняетъ тѣмъ, что Кереметь ихъ не трогаетъ.

Вышеуказанныя обстоятельства столь сильно дѣйствуютъ на массу, что секта распространяется во всѣ стороны, хотя и не быстро, но вѣрно. Еще въ 1904 г. въ с. Новомъ Торъялѣ было всего нѣсколько десятковъ семей кугусортинцевъ, а около с. Сернура секта имѣла приверженцевъ въ одномъ только небольшомъ починкѣ; минувшимъ лѣтомъ близъ Сернура образовалась уже цѣлая община, каждую пятницу отправляющая моленія, а около с. Новаго Торъяла ихъ нѣсколько. Ничего бросающагося въ глаза, ничего вызывающаго нѣтъ въ поведеніи сектантовъ: они скромны, вѣжливы, трудолюбивы. Самая внѣшность кугусортинца способна расположить къ нему всякаго: постоянно спокойный, уравновѣшенный въ своихъ дѣйствіяхъ, глубоко честный въ сношеніяхъ съ окружающими, видимо—взвѣшивающій каждый свой поступокъ, кугусортинецъ производитъ наилучшее впечатлѣніе. Постоянно памятуя о Богѣ, во всемъ придерживаясь строгаго воздержанія, сектантъ отдаетъ дань и жизни: когда возможно, онъ веселится, но скромно и съ соблюденіемъ благопристойности. Молодежь пляшетъ, любезничаетъ и поетъ пѣсни, но и въ этихъ пѣсняхъ отражается вѣрующій кугусортинецъ, сознающій свою грѣховность и полную зависимость отъ Верховнаго Существа.

Таковъ обликъ симпатичнаго сектанта. Русское населеніе начинаетъ цѣнить сектантовъ, какъ людей надежныхъ и исполнительныхъ, а матушки сельскихъ священниковъ, скрѣпя сердце, иногда сознаются, что нѣтъ прислуги лучше кугусортинокъ; имъ не нравится только, что по пятницамъ прислуга уходитъ домой, очевидно—на моленіе.

Изъ Сернура секта проникла въ Ирмучашъ, с. Юледуръ и да-

же въ с. Турекъ, гдѣ имѣется резиденція земскаго начальника; здѣсь же находится значительное количество язычниковъ, сторонниковъ кроваваго культа. Послѣдніе ничего не могутъ подѣлать съ прозелитами новой вѣры, хотя глава ихъ *Оброс* ведетъ съ послѣдними частыя бесѣды, на одной изъ которыхъ я присутствовалъ. Доводы жреца легко разбивались спокойными возраженіями сектантовъ.

Жрецъ—мой большой пріятель. Онъ сдѣлалъ изъ меня третейскаго судью и думалъ, что я рѣшу дѣло въ его пользу. И при кугусортинцахъ безпощадно указалъ на слабыя стороны новой секты, и надо было видѣть выраженіе довольства на лицѣ жреца... Но когда я отозвался съ похвалой о единобожіи сектантовъ, о низложеніи Керемета, объ уничтоженіи кровавыхъ жертвъ, столь убыточныхъ для черемисъ, я увидѣлъ, какъ непрошенная слеза скатилась по щекѣ Оброса. Онъ долго и задумчиво молчалъ, а потомъ сознался, что охуждать новой вѣры никакъ нельзя, но все же... лучше держаться старой, унаслѣдованной отъ предковъ. И я увѣренъ, что онъ не будетъ теперь препираться съ сектантами, но замкнется въ себѣ и молча станетъ наблюдать за ростомъ секты, а въ концѣ концовъ—кто знаетъ?—быть можетъ, и самъ примкнетъ къ ней.

Только что примкнувшіе къ сектѣ черемисы не стремятся сразу же выдѣлиться въ особую вѣроисповѣдную группу: они сохраняютъ въ домахъ иконы, не молясь имъ, срѣдка посѣщаютъ для виду церковь, но стоятъ тамъ какъ „столбы", не крестясь; они не отказываютъ даже духовенству, когда оно является съ крестомъ. Какъ настоящіе *двоеданцы*, они исправно платятъ ругу, и съ формальной стороны къ нимъ трудно придраться. Манифестъ о свободѣ вѣроисповѣданій далъ поводъ многимъ сектантамъ признать себя открыто кугусортинцами, но это не сопровождалось рѣшительно никакими демонстраціями и грубостями. Многіе, памятуя о ссылкѣ основателей секты въ Сибирь, покривили душой и заявили, что они просто уклоняются въ вѣру своихъ отцовъ—старое язычество. Страхъ предъ судебной волокитой объясняетъ тотъ фактъ, что большинство сектантовъ все же не признается въ принадлежности къ сектѣ и исповѣдуетъ новую вѣру потаенно: закрывая окна соломенными ставнями, сектанты ставятъ караулъ у запертыхъ воротъ того дома, гдѣ происходитъ моленіе.

Поэтому, думается мнѣ, еще долго невозможенъ будетъ статистическій учетъ сектантства.

Что касается до вѣроученія новой секты *кугу сорта*, то мнѣ кажется, что послѣ всего вышеизложеннаго сущность новой вѣры достаточно выяснилась. Кой-какія мелочи, правда, добавитъ сборникъ сектантскихъ молитвъ, такъ сказать *кугусортинскій требникъ*, который мнѣ хотѣлось бы издать и матеріалы для коего мною отчасти уже собраны. Если къ этому присовокупить полный наборъ жертвенныхъ принадлежностей, то секта будетъ изучена довольно удовлетворительно.

ГЛАВА VIII.

Кугусортинская свадьба. Время совершенія обряда. Костюмъ жениха и невѣсты, свахи и дружки. Обрядъ бракосочетанія; перемѣна головного убора новобрачной. Свадебный пиръ.

Заключеніе. Незлобивость сектантовъ. Ошибки въ дѣйствіяхъ крапскаго духовенства. Оцѣнка секты, по сравненію съ мусульманствомъ и старымъ язычествомъ. Какъ слѣдовало бы дѣйствовать противъ новой секты?

Изъ другихъ обрядовъ, совершаемыхъ кугусортинцами, я, къ великому сожалѣнію, могу говорить только о сектантской свадьбѣ, такъ какъ кугусортинскихъ похоронъ не видалъ; послѣднія должны быть очень любопытны и безъ сомнѣнія представляютъ большія уклоненія отъ обыкновенныхъ черемисскихъ похоронъ.

Бракосочетаніе у сектантовъ совершается въ той же самой избѣ, въ которой справляются каждую пятницу обыкновенныя моленія. Женихъ и невѣста до свадьбы иной разъ успѣли уже другъ съ другомъ основательно познакомиться, что часто доказывается излишней полнотой невѣсты, потому что, какъ я сказалъ выше, основатель секты оставилъ въ полной неприкосновенности древній институтъ—половую свободу молодежи. Обрядъ бракосочетанія совершается около полудня зимой и нѣсколько позднѣе лѣтомъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы всякія яства и кушанья были готовы къ этому времени въ домѣ жениха. Свадьбы могутъ совершаться въ любой день недѣли, кромѣ четверга, когда нужно готовиться къ моленію.

Къ условленному времени въ молитвенную избу одновременно являются женихъ *(кӓчӗ)* и невѣста *(кӓйшӧ-ӱдыр)*—оба кугосортин-

цы—въ сопровожденіи—первый дружки (*чáбыш*), вторая—свахи (*тугúчĕ*). Женихъ одѣтъ въ бѣлую поскопную рубашку и такой же шобуръ, подаренные невѣстой и расшитые цвѣтнымъ узоромъ; на невѣстѣ кромѣ рубашки, украшенной узорами, надѣтъ праздничный шобуръ, а на голову накинута длинная фата— продолговатый большихъ размѣровъ четырехугольный платокъ (*перúчык*), по угламъ расшитый шелковыми узорами. Спереди этотъ платокъ богато украшенъ серебряными монетами. Остальныя принадлежности костюма, начиная со шляпы у жениха и кончая онучами у обоихъ — все бѣлое (даже ремень на женихѣ—бѣлый сыромятный) и по возможности не бывшее въ употребленіи.

Костюмъ невѣсты много теряетъ отъ того, что на ней нѣтъ традиціоннаго краснаго пояса (*пота̀*), который такъ идетъ къ расшитому бѣлому костюму. Особенность костюма дружки заключается въ томъ, что шобуръ его, по древнему черемисскому обычаю, расшитъ по бортамъ шелкомъ и цвѣтными шерстями, какъ у женщинъ, а сваха имѣетъ на головѣ высокій древній уборъ — *шурк*, сплошь залитый серебряными монетами, и широкую перевязь черезъ правое плечо (*аршàш*), только съ однѣми монетами и бѣлыми раковинами, но безъ разноцвѣтнаго бисера и бусъ, какъ у остальныхъ черемисъ. Прочіе участники обряда одѣты также попраздничному.

Въ переднемъ углу комнаты приготовлено два стола: липовый столъ широкой стороной направленъ къ востоко-юго-востоку, а березовый—къ сѣверо-востоку, такъ что, стоя рядомъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ дома, столы эти образуютъ собою небольшой входящій уголъ; противъ этого угла для брачущихся постилается кусокъ пеньковаго холста, отдѣльно отъ того большого лоскута, на которомъ стоятъ оба стола. На каждомъ столѣ лежитъ по восковому кругу; на березовомъ столѣ ставится на кругъ 9 свѣчей отъ жениха, на липовомъ—7 свѣчей обычной кугусортинской мѣры отъ невѣсты; среднія свѣчи на обоихъ столахъ по обыкновенію значительно толще остальныхъ. Передъ началомъ обряда дружка спрашиваетъ жениха и невѣсту, по доброй ли волѣ они соединяются; не довольствуясь ихъ утвердительнымъ отвѣтомъ, дружка опрашиваетъ по два свидѣтеля съ каждой стороны, а потомъ ставитъ жениха и невѣсту на назначенную для нихъ подстилку. Послѣ этого самъ дружка или одинъ изъ старѣйшихъ представите-

лей секты начинаетъ молитву Великому Богу-создателю и его женѣ, въ которой испрашивается благословеніе обоимъ на предстоящую брачную жизнь, излагается просьба о дарованіи имъ семейной тишины и спокойствія, здоровья и прибыли въ дѣлахъ, многочисленнаго семейства и долгой жизни. Послѣ этой молитвы брачущіеся обводятся вокругъ столовъ, становятся на прежнее мѣсто, обмѣниваются кольцами, и обрядъ конченъ.

Обмѣнъ кольцами, строго говоря, является излишнимъ, потому что дѣвушка уже значительно раньше вручила любимому человѣку кольцо, когда отдалась ему, но это совершается ради большей торжественности. Дружка обращается къ новобрачнымъ съ приличнымъ случаю наставленіемъ, поздравляетъ ихъ и подноситъ имъ въ деревянномъ ковшичкѣ медовщины. На голову молодой *(ор-йым ва́тă)* надѣвается теперь *сорока*—головной уборъ замужней женщины, поверхъ которой накидывается фата. Всѣ выпиваютъ затѣмъ понемногу медовщины и отправляются пировать въ домъ новобрачнаго; пиръ тянется до поздней ночи, сопровождаясь пѣснями и плясками подъ цѣлый оркестръ изъ гуслей, волынки и барабана.

Подводя итогъ всему нами сказанному о кугусортинцахъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ихъ необычайную незлобивость, простодушіе и подчиненіе волѣ Верховнаго Существа. Никогда они не жалуются на притѣсненія и гоненія, относясь къ нимъ крайне благодушно и разсказывая о своихъ несчастіяхъ въ такомъ духѣ, какъ будто бы эти несчастія происходили совсѣмъ не съ ними, а съ кѣмъ-то другимъ.

Кугусортинское религіозное движеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ экстазомъ, который въ срединѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія замѣчался среди горныхъ черемисъ (Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ.), выразился въ увлеченіи христіанствомъ и нашелъ себѣ исходъ въ основаніи черемисскаго монастыря на р. Малой Юнгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сектантство отчасти напоминаетъ нашъ расколъ, именно тѣми послѣдствіями, которыя оно произвело среди язычествующихъ черемисъ. Но языческая секта лишена нетерпимости и ожесточенія, которыми зачастую отличается наше старообрядчество.

Причины религіознаго движенія среди черемисъ указаны выше; во многомъ секта обязана своимъ появленіемъ чисто случайнымъ причинамъ, много виноваты въ ея появленіи и русскіе, потому что, обративъ черемисъ въ христіанство болѣе или менѣе давно, мы не старались научить ихъ русскому языку и внѣдрить въ нихъ пониманіе новой вѣры. Вышло такъ, что серьезныя попытки переводовъ богослужебныхъ книгъ на черемисскій языкъ начались уже послѣ появленія новой секты.

Вмѣсто изученія сектантства, какъ бы это слѣдовало, мѣстное яранское духовенство принялось послѣ Казанской выставки за крайне неумѣлое, рѣзкое обличеніе и не стѣснялось въ выборѣ средствъ для уничтоженія ереси. Сколько разъ я ни останавливался надъ вопросомъ о причинахъ столь усиленнаго гоненія на основателей новой вѣры, я не находилъ другого къ тому повода со стороны мѣстнаго духовенства, кромѣ преслѣдованія узкихъ интересовъ чисто матеріальнаго свойства. Духовенство, на глазахъ коего секта развивалась цѣлыхъ 12 лѣтъ, не потрудилось даже ознакомиться съ основами новой вѣры и само росписалось въ своемъ полномъ безсиліи бороться съ новымъ ученіемъ, не постыдившись, при содѣйствіи свыше, прибѣгнуть къ такой жестокой мѣрѣ противъ основателей секты, какъ административная ссылка безъ всякаго суда. Когда сектанты вернулись изъ ссылки, яранское духовенство слѣдило только за тѣмъ, чтобы они не водворились на мѣстѣ прежняго жительства, или даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ, но опять таки ровно ничего не сдѣлало для изученія секты.

Такой образъ дѣйствій со стороны духовенства продолжается до послѣдняго времени. Все, что сдѣлано для изученія секты, сдѣлано не духовенствомъ, не миссіонерами, а лицами посторонними. Исключеніе представляетъ Я. Кобловъ, въ качествѣ катехизатора исполнявшій порученіе архіепископа казанскаго Димитрія; но ему пришлось только согласиться съ справедливостью заключеній, сдѣланныхъ относительно секты его предшественниками.

Въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ сектантство вообще, всегда полезно выслушать мнѣніе не только миссіонеровъ, но и частныхъ наблюдателей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ бытомъ инородцевъ. Въ качествѣ такового, я позволю себѣ сказать въ заключеніе

моего очерка, что, при всѣхъ отмѣченныхъ выше недочетахъ, *секта кугу сорта, не представляя собою ничего опаснаго ни съ общественной, ни съ государственной точекъ зрѣнія, есть благороднѣйшее явленіе на пестромъ фонѣ черемисскаго многобожія и кровавыхъ жертвъ. Она неизмѣримо выше мусульманства, потому что не знаетъ фанатизма послѣдняго и не ведетъ пропаганды, нерѣдко связанной съ насиліемъ. Сущность кугусортинскаго ученія настолько возвышенна, что нельзя колебаться ни одной минуты въ рѣшеніи вопроса о томъ, что̀ лучше: старочеремисское язычество, мусульманство или секта кугу сорта?*

А между тѣмъ мусульманская пропаганда въ инородческихъ предѣлахъ процвѣтаетъ безнаказанно: изъ послѣдняго отчета Православнаго миссіонерскаго общества видно, что въ *одной только* Уфимской губ. отпало въ мусульманство 3840 душъ чувашъ.

Съ точки зрѣнія миссіонерской, въ интересахъ господствующей церкви, желательно, разумѣется, возвращеніе сектантовъ въ лоно православія. Но добиваться этого слѣдуетъ не тѣми унижающими православіе средствами, какими это дѣлалось до сихъ поръ. Не путемъ полицейскаго надзора, не съ помощью суровыхъ административныхъ каръ, а мѣрами кротости, любви и терпѣнія нужно бороться съ ученіемъ кугусортинцевъ. Это тѣмъ легче сдѣлать, что секта *кугу сорта* представляетъ собою *прочный мостъ* для перехода изъ язычества въ христіанство, а почва для послѣдняго разработана Якмановымъ пожалуй даже лучше, чѣмъ удалось это православнымъ миссіонерамъ.

Но вятское духовенство (въ частности — яранское), какъ мы выше видѣли, привыкло бороться съ язычествомъ совсѣмъ инымъ оружіемъ. Живое дѣло изученія секты и собесѣдованія съ уклоняющимися въ нее черемисами вятское духовенство замѣнило безсодержательною реторикой канцелярскихъ бумагъ.

Остается пожелать, чтобы высшая духовная власть вѣрнѣе взглянула на столь важный въ инородческой жизни фактъ и указала сельскому духовенству совершенно иной, чисто христіанскій образъ дѣйствія.

С. К. Кузнецовъ.

Ноябрь—декабрь 1908.
Москва.